

Донателло.

СВ. ЦЕЦИЛИЯ.

1915 г. Пробужденіе № 24-й

1916 г.

11-ый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ, ЕДИНСТВЕННЫЙ въ РОССІИ
Художественно-Литературный и научный журналъ
съ роскошными картинами въ краскахъ,
орнаментами, тисненіемъ и стильными украшеніями

ПРОБУЖДЕНІЕ

□ □ □ При каждомъ № приложенія книгъ. □ □ □
Ежемесячно цѣнныя художественныя преміи.
— Громадная галлерей картинъ въ краскахъ. —
ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1916 ГОДЪ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА
по образцу рѣдкихъ въ
Европѣ многокрасочныхъ
художественныхъ изданій.

50 КАРТИНЪ: въ краскахъ,
автотипіи, фототипіи,
и олеографіи и др.

24 КНИГИ: романы извѣстн. русскихъ писателей **24**

12 роскошныхъ декоративныхъ премій:

ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
Альбомъ Картинъ-Пано
въ краскахъ, въ великолѣпной папкѣ.

ИЗЯЩНЫЙ БЛОКЪ-НОТЬ
ДЛЯ КАБИНЕТА, КРЫТЫЙ АТЛАСОМЪ,
съ барельефомъ Гр. Л. Н. Толстого

КРАСИВЫЙ БОЛЬШОЙ БЮВАРЪ
— для письменнаго стола —
съ ОРНАМЕНТАМИ на ИЗЯЩНЫХЪ КРЫШКАХЪ.

АЛЬБОМЪ ДЛЯ ГОСТИНОЙ,
для стихотвореній и автографовъ
знакомыхъ, съ многокрасочными
украшеніями, въ неподражаемой
по красотѣ папкѣ.

ДЛЯ ПОРТРЕТОВЪ - ФОТОГРАФІЙ
роскошный семейный альбомъ, укра-
шенный рельефными гирляндами гли-
циній, акаціи, на лакированномъ подъ
— черное дерево переплетѣ.

ЧЕТЫРЕ СТѢННЫХЪ КАРТИНЫ
въ ЗОЛОТЫХЪ БАГЕТНЫХЪ РА-
МАХЪ изъ папье-маше. Первые мо-
дели превосходнѣйшей имитациі ба-
гетныхъ рамъ.

2 ДВА БОЛЬШИХЪ ЛѢСНЫХЪ ПЕЙЗАЖА, **2**
чарующихъ дивною гармоніей красокъ.

1. Утро въ лѣсу. 2. Лѣсныя сумерки.

Популярн. художника А. КАУФМАНА. Размѣръ картинъ 73x31 сант.

НЕБЫВАЛАЯ ВЪ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:
РОСКОШНАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА НА ХОЛСТѢ,
воспроизведенная масляными красками, полная поэзія.

Первыя Гроздья Сирени.

Извѣстн. художн. ГАРТВИГА. ◀ Размѣръ картины 52x35 сант.
Работы поставщ. Дв. Его Императорскаго Велич. Р. Голике и А. Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 10 руб.; на полгода 5 руб.;
Разсрочка платежа: При подпискѣ 3 руб., въ мартѣ 2 руб.,
въ іюнѣ 3 руб., въ сентябрѣ 2 руб.

Пробы № высылаются за 40 коп. почт. марками.
Редакція журнала „Пробужденіе“, ПЕТРОГРАДЪ,
Суворовскій пр., собств. домъ, 41.

Редакторъ-Издатель **И. В. КОРЦКІЙ.**

EMILE MILLOSHAU.

Милошо.

Сборъ сирени.

15 го Декабря 1915 г.

Центральная библиотека
им. Грина
им. Гал

О. Лингнеръ.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

ПРОБУЖДЕНИЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 24-й.

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

(Мелодія).

Безшумно пала ночь надъ спящею вселенной;
Лампады теплятся въ пустынныхъ небесахъ.
Приди, пѣвецъ, приди къ намъ съ пѣсней вдохновенной,
Съ забытой правдой на устахъ...

Изошли языки отъ криковъ черной Злобы,
Безжизненны сердца, какъ опустѣлый храмъ;
Молитвы наши—ложь, жилища наши—гробы...
Ударь по трепетнымъ струнамъ!

Не свѣтитъ намъ любовь, насъ давитъ мракъ сомнѣній,
И мысль волочится въ оковахъ и въ пыли,
Пролей живой родникъ небесныхъ пѣснопѣній
На язвы черныя Земли!

Приди, желанный Богъ!.. Твоимъ волшебнымъ даромъ
Открой и укажи забытые пути;
И мысли творческой сверкающимъ пожаромъ
Туманъ безумья освѣти...

Томятъ насъ ужасы кошмарностью видѣній,
Кровь къ небу вопіетъ, и свѣтъ угасъ въ крови;
Мы ждемъ тебя... Зажги надъ бездною паденій
Свѣтильникъ вѣры и любви!

Руины нашихъ душъ зловѣщими чертами,
Зіяя, предъ тобой обнажены, пѣвецъ;
И съ насъ, дѣтей Земли, изжаланыхъ шипами,
Сними мучительный вѣнецъ!

Изгнанникъ.

Вселенская.

Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго.

Печально-медлительные звоны соборнаго колокола гулко плыли надъ зелеными улицами городка, возвѣщая о торжественномъ выносѣ: умеръ богатый купецъ, рыботорговецъ, и брѣнное тѣло его, покоясь въ роскошномъ гробѣ посреди собора, готовилось отправиться въ «послѣдній путь». Шесть священниковъ въ черныхъ ризахъ окружали гробъ, дьякона звѣтели кадилницами, въ жаркомъ воздухѣ струился аромать ладона, запахъ свѣчей и еще отголоски печальныхъ пѣснопѣній какъ-будто не умолкли. Церковь была полна: весь базаръ былъ тутъ, все чиновначаліе городка вблизи гроба, а дальше и весь городокъ наполнялъ придѣлы, притворъ, толпился на крыльцѣ, въ оградѣ собора и на площади — вокругъ великолѣпнаго катафалка и лошадей въ траурныхъ попонахъ. Было торжественно и все очень любопытно для жителей города, не каждый день выдавашаго такіа пышныя похороны. Люди терпѣливо ждали, иногда спорили изъ-за мѣста, стараясь пробиться поближе къ зрѣлищу, говорили о своихъ дѣлахъ, вспоминали и покойника: какъ у всѣхъ на глазахъ нажилъ онъ состояніе плутнями, какъ вогналъ въ гробъ побоями первую жену и уже старикомъ женился на молоденькой, бѣдной гимназисткѣ.

— Купиль!

— А то! Отецъ-то пьянчужка былъ, завсегда съ имъ въ компаніи.

— Деньги чего не сдѣлають...

— Ревѣла, говорятъ, выходя-то... силкомъ къ налою тянули.

— Заревешь... звѣрь вѣдь.

— Да-а, ужъ звѣрь былъ покойничекъ... царство небесное... не тѣмъ будь помянуть.

Кто-то перекрестился при этихъ словахъ и, громко зѣвнувъ, посмотрѣлъ на соборныя двери:

— Долго што-то...

Кто-то опять заговорилъ:

— А ловкачъ былъ дѣла обдѣлывать покойничекъ. Помните, какъ Манькина на гнилой рыбѣ подвель?

— Какъ не помнить!

— Еще тогда въ газетѣ писали.

— Што-жъ, всякъ-бы сдѣлалъ, да сумѣй!

— Здавился Манькинъ-то въ тѣ-поры...

— То-то онъ опосля того и соборъ взбухалъ, видно совѣсть зазрела.

Равнодушный судъ продолжался.

А потомъ заговорили о войнѣ, о думскихъ новостяхъ, о разстрѣлѣ рабочихъ въ Вознесенскѣ и о томъ, что катафалкъ выписанъ изъ губернскаго города. Гдѣ-то въ сторонѣ, группою, читали газету и слышался разговоръ.

— Стало-быть, сила не беретъ...

— А это онъ, Милюковъ-то, здо-рово сказалъ!

— Ловко!

Медлительные звоны все плыли съ высоты и словно рыданія исходили изъ мертваго металла. Наконецъ въ церковныхъ дверяхъ поднялось движеніе, и народъ заволновался. Серебристый съ трауромъ гробъ показался въ дверяхъ. Площадь закрестилась. Гробъ несли приказчики и родственники, и должно-быть они находили его очень тяжелымъ, потому-что лица ихъ были потны, рты полуоткрыты и глаза озабочены. Слышались рыдающія рыканія соборнаго дьякона, тенора и фальцеты духовенства, и постепенно выявлялось пѣніе хора.

Заколыхался и двинулся катафалкъ.

Испугались чего-то кони и шарахнулись, серебристый гробъ заколебался, словно заметался скрытый въ немъ покойникъ. Поспѣшно и испуганно протянулись къ гробу десятки рукъ. Но уже кони успокоились и медленнымъ шагомъ двинулись впередъ, руководимые людьми въ затѣйливыхъ цилиндрахъ. Торжественно выступали факельщики, набранные изъ босяковъ. Нѣсколько здоровенныхъ полицейскихъ расчищали путь и на лицахъ ихъ было написано сознание всей важности исполняемыхъ обязанностей. Одинъ особенно напиралъ на толпу и кто-то крикнулъ ему:

— Полегче, Митридасть!

За гробомъ шла женщина въ глубокомъ траурѣ, молодая и стройная, лицо ея было густо скрыто вуалю, она шла походкой равнодушной и усталой. Ее осторожно поддерживалъ подъ руку высокій, неуклюже сутулый, молодой человекъ, съ лицомъ какъ-бы испуганнымъ. Иногда онъ робко скользилъ взглядомъ по трауру спутницы, испуганно отводилъ глаза и тупо смотрѣлъ на катафалкъ.

— Сынокъ-отъ... отъ первой жены,—шептались въ толпѣ,— ласковъ до мачехи.

И затаенно переглядывались.

Соборный дьяконъ выступалъ торжественно, впереди пѣвчихъ, звеня кадилницей, и могучіе раскаты его голоса разносились далеко по улицамъ:

— Свя-я-тый Бо-о-же... Свя-тый Крѣ-ѣ-пкій...

Хоръ стройно вторилъ ему.

Духовенство съ печальными, прилично случаю, лицами выступало, когда умолкалъ хоръ.

— Свя-я-тый Безсме-ертный...

И все сливалось въ покорной и мрачной просьбѣ:

— ...поми-и-луй на-ась!..

Улица сжала толпу, и она наводнила бульвары.

Старшій протоіерей слегка нагнулся къ кладбищенскому священнику, маленькому и печально-умильному:

— А замѣтили, отецъ... она вѣдь не подошла и къ послѣднему цѣлованію!

— Замѣтилъ, замѣтилъ,—кивалъ священникъ своей маленькой головкой,—она даже вуали не поднимала, стояла, какъ статуя.

— И не перекрестилась ни разу... вы замѣтили?

— Да, да. Что-жь...
Священникъ глубоко вздохнулъ:
— А миллиончикъ получила, не меньше!
Вздохнулъ и протоіерей:
— Охъ, грѣхи, грѣхи... А ужъ что-то мнѣ не нравится отноше-
ніе къ ней сына покойнаго...
— Да ужъ... кто этого не знаетъ...
— У ней былъ дружокъ въ гимназіи,—сказалъ рыжеволосый
солиднаго вида, законоучитель, прислушивавшійся къ разговору,—
я знаю, много разъ замѣчалъ.
— Кто такой?
— Сынокъ фотографа Оже.
— Онъ, кажется, на войнѣ?
— Убить!
И духовенство запѣло:
— ...поми-и-и-луй на-ась!..
Дьяконъ пододвинулся къ нимъ бокомъ:
— Сотень пять отваять чать, поди?
Протоіерей досадливо отмахнулся отъ него:
— Вы все, о. дьяконъ, о деньгахъ заботитесь.
— Имѣя шесть сыновъ и двѣ дочери,—обиженно началъ дья-
конъ.

Но замолчалъ.

Огошелъ, звякнулъ кадилницей и запѣлъ:

—...Бе-е-зсме-ертный!..

Процессія двигалась медленно.

Кладбище было не такъ далеко, близко за городомъ, но путь
былъ дологъ: въ городкѣ существовалъ со старины обычай—задержи-
вать на перекресткахъ похоронныя процессіи просьбами отслужить
панихиду. И теперь, при первомъ-же поворотѣ съ главной улицы на
зеленую мураву переулка, почтенный сѣдобородый человекъ всталъ
на пути съ поминаньемъ въ рукѣ. Онъ поднялъ вверхъ поминанье и
процессія тотчасъ остановилась.

— Панихидку,—сказалъ старикъ.

— Добро, добро, Митрій Николаичъ,—гудѣлъ дьяконъ, беря
поминанье и опуская въ карманъ серебро,—помянемъ родителей,
молись крѣпче.

Печальные звуки литіи всплыли надъ муравой переулка. Тя-
нулись и еще къ дьякону руки съ поминаньями. Народъ густо, цвѣти-
стою толпой, окружалъ колесницу. Медлительные звоны трепетали
надъ столѣтними корявыми деревьями, изъ тѣни которыхъ хмуро
смотрѣли сѣрые флигеля. Дробный речитативъ дьякона тревожилъ
тишь переулка.

— Петра, Петра, отрока Терентія.. Саввы, Стефана, Луки-и...

Старикъ стоялъ со строгимъ лицомъ, держалъ руку на груди
и пристально смотрѣлъ на гробъ съ покойникомъ. Потомъ начиналъ
истово креститься и исчезалъ гдѣ-то подъ ногами толпы въ земномъ
поклонѣ.

— Демьяна, Ни-и-ла,—гудѣлъ дьяконъ.

Вдова стояла неподвижно, какъ-бы застывшая въ тягучей думѣ,
густо скрытая вуалью, не молилась, не шевелилась, словно чуждая
всему, что вокругъ нея происходило. А спутникъ ея блуждалъ пугли-
вымъ взглядомъ по толпѣ, смущался смотрѣвшихъ глазъ и временами

робко и скрытно взглядывалъ на мачеху. И все поддерживалъ ее подъ руку, еще болѣе сутулясь, чѣмъ при ходьбѣ. Вблизи молились, равнодушно крестясь и кланяясь, а дальше потихоньку шептались и разговаривали:

— Всѣхъ схоронилъ Митрій-то Миколаичъ, единъ, какъ персть.

— Зарыль... а вотъ самъ не хочетъ.

— Поди ужъ подъ семьдесятъ?

— Ста-раго лѣсу, что ему сдѣтся. Только скучно поди. Ни однихъ вѣдь вотъ похоронъ не пропуститъ, гляди ужъ и стоитъ на дорожкѣ съ поминаньицею.

— Говорятъ, и дѣла забросилъ, совсѣмъ въ лавкѣ не бываетъ, приказчики верховодятъ, какъ хотятъ. Только и утѣхи: съ голубями хороводится.

— День-денской на голубятнѣ!

— А допрежъ крутенекъ былъ. Сынъ-то, вѣдь, на чужой сторонкѣ скончаніе принялъ. Въ учебу уѣхалъ безъ спросу, мыкался, мыкался, да и...

— На днѣ рѣчномъ молъ лучше, чѣмъ съ такимъ родителемъ.

— Да-а...

— А дочка!

— Тоже Богъ вѣку не далъ, что говорить. Въ строгости онъ ее содержалъ. Сказываютъ, когда она съ приказчикомъ бѣжать хотѣла, онъ ее вонъ подъ тѣми древами, при всемъ честномъ народѣ, вожжами училъ родительской волѣ покоряться. Рассказываютъ, которые видѣли-то: жалко было смотрѣть. А потомъ ее въ губернію по докторамъ возили, да такъ чего-то и захирѣла.

— Съ чего-же это она?

— Богъ вѣсть...

— Да-а, нынче они и дѣти-то пошли...

— Забота одна!

Дьяконъ все гудѣлъ:

— А-ани-и-си... Петра, Петра...

А потомъ двинулись дальше, наполняя тихій переулокъ шумомъ своего движенія. Катафалкъ торжественно двигался по муравѣ, гробъ вздрагивалъ и колыхался. Народъ волною лился подъ густыми, неуклюжими деревьями, словно тайны хранившими молчаливые флигельки и угрюмые гробоподобные дома подъ своей темнозеленою, много видѣвшей, листвою. Переулокъ былъ длиненъ и выводилъ на зеленое поле, гдѣ вдали виднѣлись подъ такими-же неуклюжими деревьями бѣлые памятники и кресты погоста. Снова останавливались на перекресткахъ, снова служили, поминали покойниковъ и печально пѣли. Уже священники съ удовольствіемъ видѣли близость цѣли и мечтали о поминальномъ обѣдѣ, какъ на самомъ концѣ переулка, у послѣдней, кособокой, вросшей въ землю хатѣ снова произошла задержка. Изъ-подъ густо разросшагося дуба, изъ мрачной тѣни его, отъ сѣрыхъ, полуупавшихъ воротъ съ калиткою, поспѣшно вышла дѣвушка на перерѣзъ процессіи. Цвѣтной платокъ она низко надвинула на глаза, словно смущенная яркимъ дневнымъ свѣтомъ. Ея милостивое лицо съ круглымъ подбородкомъ носило слѣды какого-то увяданія, словно она недавно и поспѣшно смыла съ него краски. Глаза ея смотрѣли изъ-подъ платка съ робкой серьезностью, а по вздрагивавшимъ губамъ бродила смущенная усмѣшка. Она не держала, по обычаю, въ рукѣ поминанья и сначала не поняли: зачѣмъ она

остановила? Но тѣ, кто стояли ближе, хмуро отступили отъ нея, и она, вся алая, склонивши голову, какъ по узкой улицѣ, шла межъ разступавшихся людей. А вокругъ любопытно шептались:

— Да вѣдь это Матрешка...

— Какая?

— Гулящая!

И еще дальше отступали.

Въ гущѣ толпы прошелъ заглушенный смѣхъ:

— Матрешка-то!

— Тоже родителей поминать...

— Ей на-а-да...

Кто-то грубо проговорилъ:

— Почему задержка?

Дьяконъ смотрѣлъ сурово, нахмурившись.

— Чего вамъ?—прогудѣлъ онъ.

— Мнѣ...

Она какъ-будто глотала слова.

— Вселенскую!

Губы ея дрожали, она стояла передъ дьякономъ, опутивъ глаза, смущенная тысячью любопытныхъ и недоброжелательныхъ взглядовъ.

— Вселенскую!—повторила она.

Дьяконъ не понялъ.

Онъ удивленно таращилъ на нее свои выпуклые глаза:

— На счетъ чего-же? Говорите толкомъ!

— О воинахъ.

— Поминанье гдѣ-же?

— Нѣтъ поминанья...

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Имена-то какъ-же?

Она совсѣмъ смутилась.

— Не знаю.

— Именъ не знаете?

Дьяконъ недоумѣваяще поднялъ брови:

— Какъ-же служить-то?

Въ толпѣ нарастало нетерпѣнье:

— Имена растеряла!

— Чего задерживать!

Недоброжелательное шушуканье уходило въ глубь толпы.

Дьяконъ допрашивалъ:

— Родственники, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ... я хочу...

У нея дрожали руки:

— Я хочу... о всѣхъ... о всѣхъ... вселенскую! О всѣхъ, которые... на войнѣ...

Она совсѣмъ опустила пылавшее лицо.

— Которыхъ убили!—вскричала она повышеннымъ голосомъ.

Вдругъ зарыдала, опустилась на колѣни, скрылась съ глазъ толпы. Дьяконъ наклонился къ протоіерею, пошептался, выпрямился и началъ служеніе.

Когда-же прогремѣлъ голосъ его:

— ...На бра-а-ни убіе-е-нныхъ...

Толпа всколыхнулась.

Внезапно всё вспомнилось свое затаенное, мучительно спрятанное въ глубинѣ, всё близкое... и отъ крика души проститутки волна чувства впервые прошла по равнодушной толпѣ, всколыхнула и выявила скрытое: любовь и боязнь, жалость и тоску. И объединилась скрытая въ людяхъ глубина въ одно мучительное, роднящее чувство. Молодая вдова упала на мураву, какъ подкошенная, а спутникъ ея стоялъ надъ нею съ раскинутыми руками, блѣдный и испуганный, съ тоской во взглядѣ. Но ужъ это ни въ комъ не вызвало любопытства и осужденія. Одинъ за другимъ опускались люди на мураву поляны. Когда-же хоръ голосовъ взметнулся къ небу сквозь зелень молчаливыхъ деревьевъ:

— Вѣ-ѣ-ѣ-чая па-а-мя-ть!

Ужъ вся толпа стояла на колѣняхъ, изъ нея всплывали рыданья, и какъ-будто стоны и тяжкіе вздохи потрясали ее.

И лица были въ слезахъ...

...Когда процессія медленно и торжественно двинулась дальше, черезъ лугъ къ погосту, и тихій переулочекъ опустѣлъ, изъ-подъ густой тѣни дуба вышла дѣвушка, съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ, и долго смотрѣла вслѣдъ.

Она не рѣшилась идти дальше...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

НА ПОЛѢ БРАНИ.

Раненъ воинъ... Умираетъ,
Павши на курганъ...
Вѣтеръ кудри развѣваетъ,
Кровь бѣжитъ изъ ранъ...

За курганомъ смерть ужъ ходить...
Видитъ воинъ сонъ:
Маршъ играютъ... Полкъ уходитъ...
Съ нимъ уйдетъ и онъ...

Бредитъ воинъ... Шепчетъ: «съ боя
Я съ крестомъ вернусь»...

За почившаго героя
Помолися, Русь!

Тихо слезы мать роняетъ,
Ставъ за клавесинъ,
А отецъ съдой вѣшаетъ:
«Будь героемъ, сынъ!..»

Милая пришла и розы
Другу принесла,
А, простившись, скорбь и грезы
Въ сердцѣ унесла...

Н. Якубовичъ.

О. Гейнеръ.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ.

Заклятія.

Розказъ Сергѣя гарина.

I.

Старуха съ дочерью вошли на палубу и стояли съ Антониной до второго звонка. И когда пришло время разставаться,—долго цѣловались, крестя Антонину. И, кажется, первый разъ въ жизни суровая купчиха не выдержала и заплакала на плечъ замужней дочери. Но быстро оправилась и сухо замѣтила:

— Довольно! Пойдемъ, Поликсена!

Вышли на пристань и смотрѣли, какъ пароходъ отчаливаетъ. Махала имъ бѣлымъ платкомъ Антонина, все больше и больше уходя съ пароходомъ въ темноту ночи.

Рѣка уносила въ даль ярко освѣщенную громаду, и все меньше дѣлались огоньки, и скрылись, наконецъ, за поворотомъ. Баранова глубоко вздохнула, перекрестила, въ послѣдній разъ, костлявой рукой темное пространство и пошла, не оглядываясь.

— Въ Слободку... къ Власевнѣ!—глухо приказала она кучеру, садясь съ дочерью въ экипажъ...

Пролетка свернула въ сторону и покатила по улицѣ, которая вела къ загороду...

Ворожея Власевна жила на окраинѣ городка, существуя исключительно гаданіемъ. Ея домикъ—маленькій, покривившійся, выходилъ къ сосновой рощѣ, къ ряду холмиковъ, уложенныхъ можжевелникомъ.

Баранова, вмѣстѣ съ дочерью, вылѣзли изъ пролетки, постучали. Зашлепали старческія ноги и тихій голосъ спросилъ:

— Кого Богъ несетъ?

Баранова назвала себя, и дверь быстро отворилась. На порогѣ стояла столѣтняя, на видъ, старушка, пригнувшаяся отъ годовъ къ землѣ. Въ рукахъ она держала ночникъ, и, при свѣтѣ его, лицо ея казалось сморщеннымъ въ кулачекъ... А сѣдые, жидкія космы непокрытой головы развѣвались во всѣ стороны...

«Вѣдьма»,—рѣшила дѣвушка и прижалась отъ страха къ матери...

Вошли въ душную, небольшую комнату, съ низкимъ потолкомъ. Власевна подкрутила огонь въ лампѣ и зашамкала:

— Входи... входи, благодѣтельница!.. Не ожидала въ такую позднюю пору! Садись, матушка... садись, золотая!..

Баранова съ дочерью сѣли.

— Провожала я тутъ одного человѣка на пароходъ...—начала купчиха.—И думала: дай, кстати, заѣду къ Власевнѣ!..

— Что-жь... дѣло хорошее... На войну провожала?..

— На войну!

— Къ мужу поѣхала?

Дѣвушка чуть не вскрикнула отъ ужаса. А Баранова съ удивленьемъ посмотрѣла на ворожею, стоящую посреди комнаты...

— А ты почему знаешь?

— Все, матушка, знаю!.. Все!.. Такъ ты, значить, нацотъ заклятіевъ пріѣхала?

— Да!

— Можно!.. Только надо непременно на улицу выйтись... къ холмикамъ!

Пошли трое къ сосновой рошѣ, къ холмикамъ...

Власьева по дорогѣ бормотала:

— Лежать тутъ у меня «тихіе»... лежать «покойные»... никому невѣдомые дѣды! Великими вѣтвями оборонились сосны... Шумять только вершинами... Внизу тѣнь... Съдой можжевельникъ... Двѣ-три сухія травинки... Черника, сухая хвоя. Камни огорожены рядомъ и кругомъ. Сѣрые. На нихъ бѣлый лишай. Съдой мохъ. Въ сѣдинѣ «тихіе»... въ бѣломъ «покойные»... Претерпѣли. Все видѣли. Знаютъ мудро и безъ смятенія. Какъ на небѣ, такъ и на землѣ! Какъ наверху, такъ и внизу! Что было, то будетъ опять! Ладно будетъ!..

Власьева поставила Баранову съ дочерью лицами къ западу, сама стала сзади ихъ и быстро, быстро заговорила:

— Кирикъ-камень изъ гнѣзда бободунова, лучше всего противу измѣнника. По нашему времени возьми три заклятія. Первое—отъ супостата. Второе, не забудь,—отъ оружія смертнаго... Третье, крѣпко помни,—отъ грома небснаго и земнаго. Говорить, что-ли?

— Говори!—тихо отвѣтила Баранова.

Власьева растопырила крючковатые пальцы, словно собира- лась что-то схватить, и зашла, раскачиваясь:

— На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ желѣз- ный сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, къ нашему супостату, рубите его тѣло, колите его сердце... Будь ты, супостатъ, проклять моимъ сильнымъ загово- ромъ въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипучую, въ золу горячую, въ тину болотную, въ бездомный домъ! Будь при- битъ осиновымъ коломъ, изсушенъ суше травы, замороженъ пуше льда, окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервенѣй, обезручѣй, оголѣй, отошъ, съ людьми не свыкайся и не своей смертію помри!»... Все!

Баранова глухо спросила:

— А еще какое?

— А еще заклятіе оружія! Заговоры ратнаго человѣка... Какъ имена-то твоихъ?

— Федоръ... Архипъ... Андрей!

— Вотъ какъ буду говорить и замолчу—повторяйте объ громко имена эти! Поняли?

— Поняли!

— Начинаю!—За дальними горами есть море-океанъ желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть па- стухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до за- пада. Завѣщаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, свинцу, олову, серебру, злату, пища- лямъ и стрѣламъ, борцамъ и бойцамъ, большой завѣтъ. Подите вы, желѣзо, мѣдь и свинець, въ свою мать-землю отъ ратныхъ людей...

Власьева замолчала...

— Федора... Архипа... Андрея...—заговорили тихо купчиха съ дочерью.

— ...а дерево къ берегу, а перья въ птицу,—продолжала Власьева,—а птица въ небо сокройтесь, а велить онъ мечу, топору, рогатинѣ, ножамъ, пицалямъ, стрѣламъ, борцамъ быть тихими и смиренными... А велить онъ не давать выстрѣливать на...

Власьева замолчала опять...

— Федора... Архипа... Андрея!—опять подсказали купчиха съ дочерью..

— ...всякому ратоборцу изъ пищали, а велить схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю... А будутъ тѣла...

— Федора.. Архипа.. Андрея!

— ...крѣпче камня, тверже булата, окрута—крѣпче панцыря и кольчуги!.. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣль-горючъ камень Алатырь! А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса крѣпки!..—Все! Третье заклятье грозное!

— Говори!..

— Святъ! Святъ! Святъ!.. Сѣдый во грому, обладавый молніями, проливый источники на землю, Владыко грозный!.. Самъ суди окаянному діаволу въ бѣсы, а ихъ грѣшныхъ...

— Федора... Архипа... Андрея!

— ...спаси!.. Умъ преподобень, самоизволень, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Боже страшный! Боже чудный! Живый въ вышинахъ, ходяй во громѣ, обладавый огнемъ! Самъ казни врага своего діавола, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ... аминь!

Когда возвращались Баранова съ дочерью домой, розовая полоска въ небѣ общала близкую зарю... Дѣвушка все еще дрожала отъ страха и плотно куталась въ платокъ...

II.

Прошло два мѣсяца со времени отъѣзда дочери Барановой къ мужу. Купчиха вѣрила, что заклятья Власьевны сохранять ей ея дѣтей и зятя. Но на дѣлѣ было иначе: Федоръ убитъ, Архипъ чуть не погибъ на морѣ, Антонина словно въ воду канула... Не возобновить-ли заклятья!?. Говорять—одного раза недостаточно!

И Баранова подошла къ комоду, заглянула на старинные, пузатые часы, монотонно тикавшіе на всю спальню. Было ровно одиннадцать ночи—какъ разъ время ѣхать къ Власьевнѣ...

Старуха выглянула въ окно, посмотрѣла въ вышину, гдѣ высоко стояла новая луна...

«Аккуратъ новолуніе! Самое удобное время для заклятій»...

И пошла къ дочери. Не хотѣлось ѣхать одной къ знахаркѣ.

Дѣвушка еще не спала. Сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ въ одной сорочкѣ и закручивала бумажками, на ночь, локоны... Увидѣвъ мать въ такое неположенное время, испугалась...

— Случилось что-нибудь, маменька?

— Нѣтъ, ничего! Я за тобой! Поѣдемъ къ Власьевнѣ!

— Къ Власьевнѣ?.. Опять?

— Что значить опять? Разъ только и были! Не каждый же день ѣздимъ!.. Поѣдемъ, а то одной ѣхать—тоска беретъ!

— Маменька! я боюсь!.. Она такая страшная... лохматая, словно вѣдьма!.. И слова такія говоритъ страшныя, отъ которыхъ морозъ по кожѣ бѣгаетъ! И холмики эти съ покойниками, и сосны высокія—ужасную жуть нагоняютъ! Я, маменька, въ прошлый разъ чуть не умерла отъ страха! Ей-Богу!.. Послѣ той ночи я недѣлю спать не могла безъ огня.

Дѣвушка тряслась отъ одной только мысли, что ей снова придется ѣхать съ матерью въ это страшное мѣсто... И такъ умоляюще смотрѣла на мать, что купчихѣ стало ее жалко:

— Ну Богъ съ тобой—оставайся!

И вышла. Приказала заложить пролетку и через полчаса ъхала уже въ Слободку.

Власьева спала. Баранова съ кучеромъ долго стучали въ двери, и, рѣшивъ, наконецъ, что знахарки нѣтъ дома, собрались уже уѣзжать, какъ въ темномъ окнѣ блеснулъ огонекъ, затѣмъ и окно открылось. И лохматая голова перегнулась на улицу...

— Чего нужно?!—крикнула знахарка, впервые недовольнымъ голосомъ...

— Это я... Баранова!—смущенно отозвалась купчиха.

Знахарка скрылась и вскорѣ шаги ея послышались въ сѣняхъ.

— Прости, что тебя обезпокоила...—сказала Баранова, входя въ горницу.—Мнѣ и не вдомекъ, что ты уже спишь!.. Прошлый разъ позднѣе пріѣхали, а ты еще бодрствовала!

Власьева что-то проворчала непонятное, копаясь подъ печкой. Наконецъ, вытащила оттуда котелокъ съ темной гущей, принесла его къ столу, ярче подкрутила огонь и стала пристально смотрѣть въ котелокъ...

И вдругъ, быстро, быстро, заговорила:

— Кровь... кровь!.. Всюду кровь!.. И на землѣ и на небѣ! А въ аду преисподнемъ справляетъ свой пиръ Сатана!.. Сидитъ Сатана за большимъ огненнымъ столомъ на бочкахъ съ кипящей смолой, окруженный сонмомъ дѣволовъ, и пьетъ человѣческую кровь, съ дикимъ хохотомъ, со скрежетомъ зубнымъ! Пьетъ и гостямъ даетъ! И сидятъ за столомъ и дѣдушка Вій съ головой, на которой растетъ дремучь-боръ, съ бровями вышиной въ прибрежные кусты, съ бородой сухой перекасти-поле!.. Сидитъ Агафайль—смерти носитель, съ косою-кошицей въ добрую сажень, и течетъ съ этой косы кровь алая, какъ рубинъ, и точитъ косу Агафайль и тоже хохочетъ... И сидятъ птицы вѣщія Гамаюнъ и Мымра, съ носами-горбами, съ крыльями, аки черны паруса, и кричатъ всѣ: «пей до дна!» и хохочутъ. И сидятъ Лѣшій-сосновикъ и Лѣшій-березовикъ, подмигивая другъ другу... И домовою и русалки... Полны чаши у всѣхъ до верху, и много, много еще красна вина!.. И конца не предвидится кровавому пиру!..

— Довольно! довольно!—закричала вдругъ купчиха, закрывая въ ужасѣ лицо руками...

Власьева оставила котелокъ и посмотрѣла на Баранову злыми, воспаленными глазами..

— Такъ чего-жъ ты приплелась сюда, будить меня?!—крикнула она вдругъ, подбоченясь.—Въ заклятїя... въ ворожбу вѣришь, а крови боишься!.. А знаешь-ли ты, что заклятїя и кровь—родныя сестры и одна безъ другой жить не могутъ?!

— Уйду... уйду!—замахала руками Баранова, приподнимаясь и пяясь къ двери. Не помня себя, выбѣжала изъ домика страшной старухи и приказала во всю мочь гнать къ дому лошадь... А въ догонку ей Власьева, потерявшая разсудокъ, хохотала и, какимъ-то хриплымъ визгомъ, кричала:

— Кровь!.. кровь!.. Смотри: по тебѣ течетъ! По твоимъ дѣтямъ! У-у-у!.. Пиръ Сатаны!..

Баранова, сгорбившись, сидѣла глубоко въ кузовѣ пролетки, боясь открыть глаза и взглянуть на небо, съ котораго, ей казалось, идетъ большой, кровавый дождь...

Сергій Гаринъ.

Женщина.

Онъ былъ похожъ на сказочнаго принца,
Когда протяжный свистъ его бича
Тревожилъ тишину огромнаго звѣринца,
И львы вставали, яростно рыча.

Всегда покойный, элегантно-гибкій,
Онъ въ каждомъ жестѣ былъ прекрасно-новъ,
И силою своей презрительной улыбки
Онъ укрощалъ свирѣпо-гордыхъ львовъ.

Но помню день, тяжелый день разлуки...
Шепча несвязныя и жалкія слова,
Онъ плакалъ, какъ дитя, мои цѣлуя руки...
О, неужели я была сильнѣе льва?..

Юрій Zubовскій.

Перуново урочище.

Разсказъ А. Оссендовскаго.

Окончаніе.

На лѣсной прогалинѣ блеснулъ огонь въ окнѣ маленькой избышки, крытой почернѣвшей соломой и покосившейся.

Черныя ели стояли кругомъ, а высокая трава поднималась до самаго окна.

Дѣвушка постучалась въ дверь и позвала:

— Дѣдушка Прохоръ! Это я—Лидя—изъ усадьбы.

— Заходи, милая, заходи!—откликнулся ей старческій голосъ.—Сейчасъ отомкну.

Послышались тяжелые шаги въ сѣняхъ, и дверь со скрипомъ открылась.

— Да ты никакъ не одна?—спросилъ старикъ.

— Я съ гостемъ нашимъ! Съ Владимиромъ Петровичемъ Брянцевымъ,—сказала дѣвушка.—Познакомить съ тобою, дѣдушка, его привела...

Когда они вошли въ избу, художникъ увидѣлъ маленькаго, сгорбленнаго старичка, напоминающаго монаха. Длинные, совсѣмъ сѣдые волосы падали на плечи, черный ременный поясъ перетягивалъ черную рубаху. Сухое, желтое, почти прозрачное лицо съ тонкимъ и горбатымъ носомъ и блестящими глазами, казалось, сошло съ древнихъ иконъ.

— Такъ это и есть твой гость?.. Брянцевъ, говоришь ты?

— Да!—прервала его Лидія Федоровна.—Это—художникъ, который расписалъ новую церковь послѣ пожара...

— Доброе, настоящее дѣло!—кивнулъ головой Прохоръ.—А только какой-же Брянцевъ? Ужъ не Петра-ли Максимовича сынокъ? Живъ-ли онъ, родимый?

Говоря это, старикъ сощурилъ глаза и, прикрывъ ихъ отъ свѣта лампы рукой, приблизился къ художнику.

— Да, дѣдушка!—отвѣтилъ Брянцевъ.—Петръ Максимовичъ—отецъ мнѣ, да умеръ онъ ужъ давно...

— Царствіе Небесное ему!—перекрестился старикъ.—Отцомъ онъ былъ намъ, душу пріялъ онъ добрую и праведную отъ Максима Павловича. Обоихъ зналъ я, обоихъ любилъ... И вотъ Господь порадовалъ на старости! Сынка его довелось-таки повидать.

— Меня не помнишь, дѣдушка?—спросилъ художникъ.—Маленькій былъ, когда бросили мы Залужье. Володей звали...

— Гдѣ-жъ упомнить?—отвѣтилъ Прохоръ.—А зачѣмъ, родимый, сюда вернулся?

В. Гауфе.

ОЗЕРО ВЪ ТИРОЛЪ.

— Заскучаль, дѣдушка!—сказаль Брянцевъ.—Заскучаль и прѣхаль. Потянуло меня въ ваше болото, какъ волка въ лѣсъ!

— Судьба, родимый!—подняль палець кверху старикъ.—Отъ нея не уйдешь. Это на роду у тебя, Владимиръ Петровичъ, было написано.

— Что за судьба?—усмѣхнулся Брянцевъ.—Бросало, кидало меня по бѣлу свѣту, дѣдушка, мяло, било и ломало!

— А вотъ—на, поди, и не сломило!—оживился Прохоръ.—А другихъ разъ ударить, да и на дно. Ты—ничего, выплывешь, рѣднѣй! За добро дѣдово да отчее сыну на вѣку счастье положено.

— Ужъ не хочешь-ли ты, дѣдушка, погадать мнѣ?—улыбнулся художникъ, а въ его голосъ зазвучала насмѣшка.

Старикъ не обидѣлся. Онъ подошелъ къ печкѣ и сѣлъ на скамейку.

— Почто гадать?—сказаль, пожавъ плечами.—Почто, коли и такъ все знаю?

— Расскажи!

— Рано еще... дай срокъ! Сначала послушай, за что тебя награда ждеть...—произнесъ ласковымъ голосомъ Прохоръ.—Дѣда, поди, не помнишь?—продолжалъ онъ.—Такихъ нонче, почитай, и совсѣмъ ужъ не стало. Праведникъ былъ! Человѣкъ справедливый, и справедливый не по-ученому, а такъ ужъ это у него въ крови было. Когда еще крѣпостными были залужскіе мужики, и никто о свободѣ не говорилъ и не думаль, онъ насъ всѣхъ на свободу отпустилъ. Мы первые цѣлой округой не крѣпостными, а вольными людьми жили. Сосѣдями Максиму Павловичу были. А когда преставился онъ, сыну его, твоему отцу, Петру Максимовичу, всякую радость нашу, каждое горе и заботу несли. Такъ ужъ привыкли!

Старикъ тяжело вздохнулъ и замолчалъ.

Лидія Федоровна подождала, но, видя, что старикъ закрылъ глаза и не собирается говорить, спросила:

— Что же дальше, дѣдушка?

Старикъ вдругъ заплакалъ. По-старчески всхлипывая и утирая рукавомъ слезы, онъ дергался плечами и головою.

— Этимъ мы его и погубили!—шепнулъ онъ.—Прости ты насъ, Христа ради, Владимиръ Петровичъ, прости за отца! Безъ зла, безъ хитрости погубили мы Брянцева и тебя на тяжелую дорогу кинули.

— Да что ты, дѣдушка?—сконфузился изумленный Брянцевъ.—Богъ съ тобою! Никогда я ничего ни отъ отца, ни отъ матери не слыживаль, чтобы ему здѣшніе мужики какое-нибудь зло сдѣлали.

— Брянцевская душа!—воскликнулъ старикъ.—Не помнилъ зло никогда! А мы-то...

Онъ пересѣлъ къ столу и продолжалъ:

— Когда насъ неурожаи совсѣмъ замучили, безъ перерыву лѣтъ семь случались, надумали наши мужики, семей, пожалуй, двадцать, податься на переселенье, въ Сибирь, значить. Къ Брянцеву, къ отцу твоему, какъ водится, пришли и сказываютъ все, что надумали, а потомъ и говорятъ: «Ежели лишнія деньги есть—выручи насъ, Петръ Максимовичъ, ссуди намъ! Поправимся—отдадимъ!». И отдалъ имъ твой отецъ все, что у него было. Мужики уѣхали, первое время писали, а потомъ и слухъ о нихъ пропаль. Доходили вѣсти, что моръ какой-то среди новоселовъ объявился, и поумирали всѣ. А тутъ пришли лихія времена, денегъ нѣтъ, платить надо, жена, мать твоя, захворала,

дочка померла, какой-то долгъ объявился въ банкѣ, и... ушли Брянцевы изъ Залужья, да такъ съ той поры мы ихъ и не видали...

Прохоръ задумался, вспоминая что-то, а потомъ продолжалъ:

— Лѣтъ пять тому назадъ пріѣхалъ сюда Кузьма Ванифантьевъ. Онъ тогда же въ переселенье ушелъ. Объявился онъ въ Камнѣ—селѣ. Богатѣемъ сдѣлался! Три мельницы паровыя поставилъ, свой пароходъ съ баржами по Оби гоняетъ. Пріѣхалъ онъ и ко мнѣ сейчасъ. «Такъ и такъ—говорить—повымирало нашихъ залужскихъ на новыхъ мѣстахъ много. А кто, значить, въ живыхъ остался, тѣхъ я пособиралъ, и всѣ у меня къ дѣлу приставлены. Одного даже въ науку опредѣлили, въ доктора онъ вышелъ. Ну, говорить, мы и порѣшили, что пора нашъ долгъ Брянцевымъ отдать. Собрали мы со всѣхъ, проценты насчитали и на дѣтей Петра Максимовича сверхъ того десять тысячъ, въ родѣ какъ благодарность, накинули!» Всего привезъ Ванифантьевъ тридцать семь тысячъ. Поискали мы васъ, поискали, въ газетахъ писали даже, да такъ никто и не откликнулся...

— Заграницей былъ я въ то время!—сказалъ Брянцевъ.—А больше изъ насъ никого и не осталось. Мать умерла...

— Эти деньги мнѣ оставилъ Кузьма Семенычъ и наказывалъ, ежели до смерти моей никто изъ Брянцевыхъ не объявится, ему обратно въ Камень деньги послать...

Старикъ всталъ и подошелъ къ Лидіи Федоровнѣ.

— Касаточка! Радъ я душевно. Сподобилъ меня Богъ любовь нашу Брянцевымъ не словомъ, а дѣломъ показать. Помнишь: сказывалъ тебѣ я, что долгъ великій, кровный долгъ у меня есть, и что, пока не разсыпался старый Перунъ, можно ждать прихода. Вотъ и вышло по-моему, дѣвонька!

— Дѣдушка! Это ты про Владимира Петровича рассказывалъ мнѣ тогда вечеромъ—помнишь?—спросила Лидія Федоровна.

— Помню, милая. помню!—улыбнулся старикъ.—И, кажись, немного и ошибся-то? Пригожъ онъ и сердцемъ добръ!

— Ну, чужое сердце—тайна!—засмѣялся Брянцевъ.

— У Брянцевыхъ сердца не утаишь!—возразилъ Прохоръ.—Да кабы и такъ было—другая примѣта моей правдѣ есть. Насоновская барышня тебѣ ровно сестра. А ужъ эта примѣта—вѣрная! Душа у ней голубиная и злого челоуѣка испугалась-бы...

— Что-жъ это ты, дѣдушка, обоихъ насъ такъ расхвалилъ?—сказала Лидія Федоровна.—Возгордимся теперь мы!

— О васъ правду говорилъ Прохоръ!—серьезно замѣтилъ Брянцевъ.—Вы мнѣ кажетесь прозрачной, какъ хрусталь, порою лучистой...

— Сейчасъ убѣгу!—воскликнула, вспыхнувъ, дѣвушка.

— Васъ я вездѣ найду!—съ неожиданнымъ для него самого жаромъ сказалъ художникъ.—Даже тогда, если-бы васъ похитилъ злой волшебникъ Черноморъ.

— Не говорите къ ночи о нечистой силѣ!—пошутила дѣвушка.— Не забывайте, что мы въ «Заповѣдникѣ», гдѣ живы еще старые боги и гдѣ перекликаются русалки съ лѣшимъ.

— А и ты, Лидочка, не забывай, что сказывала мнѣ тогда, когда я тебѣ про Брянцевскаго наслѣдника говорилъ! Помнишь?

Старикъ добродушно разсмѣялся и, подойдя къ дѣвушкѣ, потрепалъ ее по рукѣ.

— Помнишь-ли?—повторилъ онъ вопросъ и лукаво шуриль свои узенькіе, старческіе глаза, окруженные сѣтью мелкихъ морщинъ.

Дѣвушка совсѣмъ смутилась и, захлопавъ въ ладоши, воскликнула:

— Ахъ, дѣдушка Прохоръ, какой ты хитрый!

— Что-же вы сказали, Лидія Федоровна?—заглядывая ей въ лицо, спросилъ Брянцевъ.—Скажите, пожалуйста!

— Нѣтъ! Нѣтъ!—замахала она руками.—Дѣдушка Прохоръ шутить...

Старикъ смѣялся, утирая рукавомъ глаза, и добродушно подмигиваль.

За окнами послышался стукъ колесъ и голосъ кучера:

— Барышня! Баринъ изъ губерніи вернулись! Васъ спрашиваютъ.

Когда Брянцевъ помогаль дѣвушкѣ сѣсть въ шарабанъ, Прохоръ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Завтра утромъ зайди, Владимиръ Петровичъ, ко мнѣ! Изъ рукъ въ руки твое добро передамъ. Радостный день!.. Дожить-бы только!..—шепнулъ онъ уже вслѣдъ отъѣзжающимъ и медленной походкой поплелся къ себѣ.

III.

На другое утро Брянцевъ пришелъ въ избу старика.

— Помолись, Владимиръ Петровичъ, помолись Всевышнему! Великое дѣло совершается! Вотчина дѣдовъ твоихъ и прадѣдовъ ушла отъ тебя. Лихія времена кого не обижали?.. Но въ утѣшеніе тебѣ осталась любовь крестьянская, крѣпкая любовь къ твоему роду, сердцемъ правильному.

Сказавъ это, старикъ опустился на колѣни передъ иконою, висящею въ углу, началъ тихо шептать и осѣнять себя широкими, раздумчивыми крестами

Всталъ на колѣни и Брянцевъ, но молиться онъ не могъ. Торжественныя слова старика взволновали его, и онъ чувствовалъ внутреннюю дрожь возбужденія и ожиданія.

— Пойдемъ!—сказаль Прохоръ и взяль палку.

Онъ вывелъ художника на узенькую, извилистую тропинку, порою совсѣмъ теряющуюся среди высокаго папоротника и колючаго шпаклика, и они углубились въ «Заповѣдникъ».

Поднявшись на небольшую возвышенность, они попали на поляну, усѣянную камнями, обросшими мохомъ и сѣрыми лишаями. Среди этихъ камней стояль толстый стволъ давно сломаннаго дуба. Глубокія трещины бороздили его и сходились въ черное дупло.

Старикъ подошелъ къ дереву и сказалъ:

— По древнему преданію, подъ этимъ дубомъ стояль глиняный Перунъ. Онъ давно разсыпался въ пыль. Гляди, даже камни, гдѣ убивали въ даръ идолу жеребятъ, изъѣла вода и морозъ. Только дубъ остался. Весь въ дупло ушелъ, а держится... Перуній это дубъ... Крѣпкій, какъ души здѣшнихъ людей!..

Говоря это, старикъ запустиль руку подъ камень, лежащій у самыхъ корней дерева, вынулъ узелокъ изъ тряпокъ, и началъ бережно развязывать его.

Брянцевъ увидѣль нѣсколько большихъ пачекъ денегъ, туго стянутыхъ шнурками.

— Вотъ!—радостнымъ голосомъ произнесъ старикъ.—Считай, Владимиръ Петровичъ, все-ли въ порядкѣ?

Художник отрицательно покачалъ головою.

— Отецъ вамъ вѣрилъ до смерти, неужели-же я не повѣрю вамъ? Онъ подошелъ къ Прохору, схватилъ его руку и прижался къ ней вздрагивающими губами.

— На доброе дѣло! Въ счастливый часъ!—торжественнымъ, почти суровымъ голосомъ говорилъ старикъ.—«Перуново урочище» стосковалось безъ Брянцевыхъ. Мы ждали васъ! И уходитъ отсюда вамъ негоже...

Брянцевъ съ трудомъ успокоился и, сѣвъ на камень, сказалъ:

— Постой, дѣдушка! Дай собраться съ мыслями, потомъ совѣта попрошу...

— Совѣтъ хорошъ, когда данъ во-время!—произнесъ поучительнымъ голосомъ Прохоръ.—Вотъ я его сейчасъ тебѣ, Владимиръ Петровичъ, и дамъ, а ты потомъ самъ смекни. Старъ я, это вѣрно, а людей насквозь вижу. Да тутъ и видѣть не приходится! Насоновская-то барышня...

— Лидія Федоровна?—оживился художникъ и всталъ.

Старикъ усмѣхнулся и сказалъ:

— За то время, какъ ты у Насоновыхъ живешь, у меня часто Лидонка бывала. Сказывала, какъ ты Христа Спасителя изъ полымя вынесъ, почитай, чуть не проналъ самъ, какъ благолѣпію Божія храма радѣлъ. Все сказывала. Знать про тебя хотѣлъ я правду, и правду говорила она, что смиренный ты, Владимиръ Петровичъ, не такой человекъ, какіе нынче пошли. А когда говорить—румянецъ горитъ, глаза блестятъ, голосъ дрожить... Видѣлъ я! Гляди и ты, касатикъ, не пропусти случаямъ хорошаго человѣка. Мало ихъ по землѣ ходить, и грѣхъ не примѣтитъ такого! Грѣхъ это!

Они замолчали и долго сидѣли, слушая, какъ возятся въ сухой травѣ полевки, собирая сѣмена и корешки на зиму, и какъ кричатъ высоко подъ облаками гуси и журавли.

Отъ перуныяго дуба Брянцевъ вернулся въ Залужье богатымъ человекомъ.

Его встрѣтила Лидія Федоровна. По глазамъ его, блестящимъ и еще растроганнымъ, она поняла его волненіе и, подавая ему руку, тихо сказала:

— Я счастлива, что вы встрѣтили здѣсь такихъ хорошихъ людей, какъ Прохоръ и тѣ, чью волю онъ исполнилъ и чей долгъ вернулся! Это никогда не забывается...

— Да!—отвѣтилъ художникъ.—Здѣсь я встрѣтилъ очень, очень хорошихъ людей, а старый Прохоръ убѣдилъ меня, что грѣхъ пропустить хорошаго человѣка...

Онъ нагнулся и поцѣловалъ руку дѣвушки.

Она не отняла ея и только ниже опустила голову.

— Я пойду куда-нибудь...—сказалъ Брянцевъ.—Мнѣ надо успокоиться и обдумать многое!

Дѣвушка молча кивнула головой и, словно боясь вспугнуть его мысли, ушла.

IV.

Черезъ болото, вдоль «Пилкина ручья», Брянцевъ пошелъ въ «Заповѣдникъ», къ Перуньему дубу. Сюда залеталъ, пробираясь между стволами елей, вѣтерокъ и гудѣлъ въ дуплѣ. Тихіе, понятные шо-

поты и рѣдкіе выкрики слышались оттуда, какъ голосъ древняго и дряхлаго старика.

И подь эти звуки тихо плыли думы Брянцева, спокойныя и трогательныя думы о красотѣ человѣческой души, о теплотѣ сердець, не охлажденныхъ и не выравненныхъ сложною и хитрою сумятицею жизни. Вся природа сливалась съ существомъ Брянцева, онъ это чувствовалъ и черпалъ въ ней новыя, могучія силы.

Трогательное и нѣжное чувство къ дѣвушкамъ казалось ему тихимъ лучемъ, любовно озаряющимъ нѣжныя и мягкія сумерки и ласкающимъ милыя лица тѣхъ, которыя безъ свѣта были страшными призраками, таящимися во мракѣ.

Брянцевъ сознавалъ, что душа его врасла въ эту землю, чуть только коснулась ея, ждущую и тайно призывающую его, ушедшаго въ невѣдомый и чуждый міръ.

Мысли его настойчиво возвращались къ дѣвушкамъ. Онъ рѣшилъ сегодня переговорить съ нею. Почему-то появилась незыблемая увѣренность въ ея любви, и, когда Брянцевъ пытался объяснить причины этой увѣренности, ему тотчасъ же вспоминалась ночь, горящая церковь и тихій, нѣжный голосъ, спрашивающій:

— Куда вы несете Спасителя?

И художнику казалось, что въ тотъ мигъ между ними протянулись первыя нити.

Долго сидѣлъ въ «Перуновомъ урочищѣ» Брянцевъ и, когда вышелъ на тропу, ведущую къ избѣ Прохора, услыхалъ въ сторонѣ отъ «Заповѣдника» тревожное ржаніе лошади, перешедшее въ крикъ дикаго ужаса. Этотъ крикъ несся надъ болотами и, испуганныя имъ, они притаились въ поднимающемся туманѣ и слушали сторожку и жадно.

Потомъ къ этимъ дикимъ крикамъ присоединился призывный голосъ человѣка. Кто-то звалъ на помощь.

Узналъ-ли этотъ голосъ Брянцевъ, или, безсознательно повинаясь ему, онъ бросился назадъ и выбѣжалъ на косогоръ, къ которому вплотную подходила трясына.

Изъ-за кустовъ ивняка онъ не могъ видѣть происходившаго на болотѣ, а когда спустился на равнину, высокіе тростники закрывали отъ него болото.

Брянцевъ бѣжалъ среди кочекъ, сначала быстро, а когда ноги его начали увязать въ топкой землѣ, онъ началъ прыгать съ кочки на кочку, пока не выбрался на открытое мѣсто.

Онъ увидѣлъ вдали, тамъ, гдѣ была накатана гать, попавшую въ самую пучину зыбуна лошадь съ возкомъ и сидящей въ немъ человѣческой фигурой.

До гати было еще далеко, но Брянцевъ видѣлъ, какъ высоко вскидывалась лошадь, стараясь выскочить изъ трясины, и всякій разъ уходила все глубже и глубже. Тревожное ржаніе прерывалось чѣмъ-то жалобнымъ крикомъ, а порой, когда все стихало, до слуха художника доносилось сочное цоканье засасывающего свою жертву зыбуна.

Человѣка не видѣлъ Брянцевъ, но его слабый голосъ доносился до него. Художникъ началъ быстро подвигаться впередъ, стараясь наискосокъ пересѣчь болото и добѣжать скорѣе до гати, откуда можно было добраться до погибающихъ.

Путь былъ тяжелый и опасный. Между кочками черная, пахнущая прѣлымъ земля не выдерживала его, и Брянцевъ по колѣни про-

валивался въ топъ, съ трудомъ взбираясь на кочки. Почва зыбилась вокругъ, и жутко, при каждомъ его шагѣ, качались осока и рѣдкіе кусты тальника.

Брянцевъ бѣжалъ, чувствуя, какъ холодѣютъ у него ноги и дрожь ползетъ по спинѣ. Добѣжавъ до мѣста, гдѣ лошадь съ гати, видно испугавшись чего-то, попала въ топъ, онъ на мигъ остановился и, взглянувъ пристально, чтобы обдумать положеніе, крикнулъ голосомъ, полнымъ ужаса. Человѣкъ погибалъ. Его не видѣлъ теперь художникъ изъ-за растущихъ у края гати тростниковъ.

Лошадь исчезла въ пучинѣ. На зеленой поверхности трясины виднѣлось лишь большое пятно черного ила. Изъ него выступала уже вода, и медленно затягивалась побурѣвшими отъ холодныхъ утренниковъ рясками и листьями кувшинокъ.

На его крикъ, скрытый за тростниками человѣкъ всталъ въ возкѣ и откликнулся жалобнымъ, полнымъ отчаянія стономъ.

Брянцевъ издалъ какой-то дикій вой и бросился впередъ.

Онъ узналъ Лидію Федоровну.

Не сознавая, что онъ дѣлаетъ, и управляемый какимъ-то могучимъ побужденіемъ, Брянцевъ бросалъ съ гати на топъ бревна, жерди и доски, выдвигая вглубь трясины этотъ шаткій, начинающій сразу погружаться помостъ.

Дойдя до утонувшей телѣжки, Брянцевъ увидѣлъ, что колеса уже ушли въ топъ, и черный иль началъ вливаться внутрь...

Когда онъ помогъ дѣвушкѣ выбраться на берегъ, онъ упалъ грудью на землю, цѣловалъ ея ноги и бормоталъ безсвязныя, радостныя и страстныя слова, прерываемыя рыданіями и молитвеннымъ шопотомъ:

— Господи! Возьми всю мою жизнь за то, что не позволилъ Ты, подарившій мнѣ великую радость, потерять здѣсь мое свѣтлое счастье, мою любовь...

Еще не стяхнувшая съ себя ужаса, дѣвушка, молча, слушала Брянцева, но въ глазахъ ея начинали вспыхивать яркіе огоньки.

— Какъ хорошо!—шепнула она, словно очнувшись.—Какъ радостно, что это ты...

Отъ «Перунова урочища» призывно и смѣло кричали едва замѣтные въ небѣ лебеди, летящіе на югъ, къ солнцу...

Антонъ Осендовскій.

Изъ передуманнаго Л. Н. Толстымъ и Н. С. Лѣсковымъ.

Посмертная рукопись, доставленная въ редакцію журнала „Пробужденіе“

П. Сергѣенко.

Продолженіе.

191. Сверхъестественное сверхъестественно только для людей научнаго круга; для простыхъ оно не сверхъестественно, чудеса въ природѣ вещей. Мысль Ренана. 91 г.

192. Любишь и радуешься. И стоитъ только подумать, какъ о тебѣ думаютъ люди, чтобы любовь твоя перешла въ злобу, а радость—въ печаль.

193. Принципъ общаго блага, блага многихъ людей вмѣстѣ столь же пагубно, какъ и принципъ личнаго блага.

194. Не организаціей можно достигнуть наилучшаго порядка на землѣ: отгадать будущую организацію невозможно. Пчелы и муравьи безсознательно слѣдуютъ своему инстинкту и доходятъ до цѣлесообразнаго порядка; такъ и люди: порядокъ самъ сложится, лишь-бы каждый изъ насъ слѣдовалъ своему закону жизни, любви, кротости.

195. Если-бы пчелы могли сверхъ своего инстинкта, какъ мы называемъ, еще придумывать наилучшее устройство своей общественной жизни, они придумали бы такую жизнь, что погибли бы.

196. Они (матеріалисты) правы, что мысль можно разсматривать, какъ движ. вещь, но по любви—жизни—нельзя.

197. Противъ стачекъ стачки и капиталисты, котор. защищаетъ власть, сила, всегда будутъ сильнѣе.

198. Чѣмъ больше сосредоточиваться въ узкомъ опредѣленномъ дѣлѣ, тѣмъ радостнѣе и плодотворнѣе.

199. Какъ Авраамъ для Бога занесъ руку на единственнаго сына, нужно быть готовымъ сжечь, уничтожить все то, что любишь.

200. Свобода въ безконечномъ. Есть въ человѣкѣ безконечное, онъ свободенъ; нѣтъ,—онъ вещь.

201. Ренанъ говоритъ, что «la mort d'un français est un fait moral, tandis que la mort d'un cosaque n'est qu'un fait physiologique»

202. Нравственнымъ нельзя быть относительно одного человѣка: нравственнымъ необходимо быть относительно всего: нравств. быть значитъ имѣть любовь. Нравственность есть жизнь реальная духа, питаемая веществомъ.

203. Diderot: «Люди будутъ счастливы только тогда, когда у нихъ не будетъ царей, начальства, моего и твоего (будутъ-ли счастливы? М.).»

204. Истинная жизнь въ самоотреченіи: доказано потребностью жертвъ и страданія. Стремленіе это временами, но оно искренно и сильно. Что оно безмысленно часто, тѣмъ болѣе (?) подтверждаетъ его естественность (но еще чаще потребность въ захватѣ? Аргументъ слабый. М.).

205. Бесплодность филантропіи и социалистич. организаций. «Нужно, чтобы принцип борьбы замѣнился принципомъ жертвы, любви» (?).

206. Благодарствена не только физическая, но и нравственная боль. Она и учить.

207. Генри Джемсъ: Истинный прогрессъ есть, какъ при высѣканіи статуи отнятіе всего лишняго.

208. Люди мало знаютъ или оттого, что они много думаютъ о томъ, что не дано знать: Богъ, вѣчность, духъ и пр., или о томъ, о чемъ не стоитъ думать: какъ мерзнетъ вода, о теоріи чисель и пр.

209. Одинъ узкій путь знанія, какъ и добра: знать нужно только то, какъ жить.

210. Матеріальная жизнь только тѣнь.

211. Великая истина Лаодзе по агі, ничего не дѣлать, не затѣвать, а только отдаваться тому, чему считаешь хорошимъ отдаваться, отдаваться тому, въ чемъ совпадаешь съ потокомъ, съ волей Бога.

212. Дѣлаешь зло себѣ и людямъ одинъ разъ отъ того, что не сдѣлалъ, и 10 тысячъ разъ отъ того, что сдѣлалъ.

213. Наборщикъ, не знающій языка, лучше набираетъ, не догадываясь по своему смыслу. Такъ надо и жить, не догадываясь о смыслѣ того, что дѣлаешь, —неугадываешь дѣла, будто-бы нужнаго Богу, а дѣлать одно за другимъ то, что велитъ Богъ, набирая букву за буквой.

214. Страданія людей: нужно для этого свою жизнь сдѣлать лучше.

215. Не вѣрить разуму все равно, что не вѣрить обонянію и вкусу для пищи. (Нельзя принимать ученіе, не повѣряя его разумомъ).

216. Когда человѣкъ умираетъ, то сознание отдѣляется отъ него, какъ со зрѣвшее, отпавшее сѣмя, и ищетъ почвы, чтобы жить снова.

217. Вѣрить въ то, что человѣку, а потому и человѣчеству стоитъ только захотѣть, чтобы съ корнемъ вырвать изъ себя зло.

218. Главная забота людей не прокормиться, а обжорство. Главная дѣятельность людей направлена на ѣду. Въ среднемъ всѣ ѣдятъ, я думаю, втрое болѣе того, что нужно по количеству, и въ 10 р. болѣе по цѣнности труда пріобрѣтенія.

219. Нравственный упадокъ, готовность пасть это болѣею частью состояніе сомнамбулизма, когда спятъ высшія духовныя силы... Надо не бороться, все это напрасно, а понять, что спишь, и постараться проснуться (какъ въ кошмарѣ).

220. Ле по агі не есть слабость, покорность; напротивъ: это проявленіе высшей силы, принятіе въ себя воли Б. Суета жизни, энергичная дѣятельность житейская есть болѣею частью признакъ слабости, покорности придворные—типъ суетлив. дѣят. и нѣтъ болѣе рабскаго состоянія.

221. Знаю несомнѣнно, что совокупленіе есть мерзость, на которую можно смотрѣть и думать о ней только подъ вліяніемъ похоти. Любя женщину и т. д. Даже для того, чтобы имѣть дѣтей, не станешь дѣлать этого съ женщиной, которую любишь. Пишу это въ то время, какъ самъ одержимъ похотью, съ которой не могу бороться. 22 V 90.

222. Ненатуральное скорѣе признакъ добраго.

223. (Грусть, печаль не дурны, какъ дум.). Въ уныломъ настроеніи веселость такъ же непріятна, какъ въ веселомъ настроеніи—грусть (разница въ томъ, что грусть, даже въ весельи, хоть и тяжела, но не противна, тогда какъ веселье — если это не прелестныя дѣти — среди грусти противно).

224. Нужно знать мѣру и въ физич. работѣ: черезъ мѣру она озвѣряетъ. Но, зная, что она озвѣряетъ, тѣмъ болѣе нельзя сваливать ее на другихъ.

225. Все, что во мнѣ, черезъ меня жило,—это Богъ (вѣчное, разумное, любовное), начало жизни. Оно самое и есть я.

226. Я не дѣлаю этого (напр., не избѣгаю присяги), п. ч. это малость, гѣ стоитъ того. Все хорошее—малость. Большую малость сдѣлать мѣзосгь, а доброе дѣло всегда мало, незамѣтно. Добро совершается не по вулканической, а по нептунич. теоріи.

227. Крестьяне въ роскоши, въ развр. начинаютъ то, что мы кончаемъ.

228. Утверждать, что женщина въ среднемъ одарена тою же духовною силою, какъ и мужчина... значить, умышленно обманывать себя, и во вредъ женщинѣ. Женщина болѣе слабое духовно существо, т.-е. плоть ея меньше покорна духу. Главная черта женская—меньшая вѣра вѣлѣніямъ разума.

229. Матеріальное добро не есть добро, какъ положеніе красокъ на картину не есть еще живопись, хотя живопись невозможна безъ наложенія красокъ. Добро—жертва, трата собственной животной жизни, какъ свѣтъ требуетъ траты горячаго матеріала.

230. Матеріальное самое большое дѣло будетъ, т. е. ничто, а духовно—опредѣленная величина. Нищихъ всегда имѣете, т.-е. всегда есть кому помогать.

231. Добродѣтель невозможна безъ воздержанія, какъ любовь безъ самоотреченія.

232. Жизнь—проявленіе и индивидуальности, воспитаніе стираетъ ее.

233. Воръ не тотъ, кто взялъ необходимое, а тотъ, кто удерживаетъ ненужное.

234. Свобода воли есть сознаніе своей жизни, закона жизни, стремленія выполнить его.

235. Помогите, Господи... Разумѣется помощь во мнѣ и я взываю къ себѣ, къ своей божеской природѣ или чрезъ свою божескую природу.

236. Нелѣпость нашей жизни происходитъ отъ власти женщинъ; власть же женщинъ происходитъ отъ невоздержанія мужчинъ, такъ что причина безобразной жизни—невоздержаніе мужчинъ.

237. Для чего служить мясо яблока: для сѣмени или для ѣдущихъ? повидому, для того и другого: лишь-бы пищей жизни. М.

238. Религіозное чувство есть способность провидѣть, чувствомъ познавать.

239. Преданность волѣ Божіей есть необходимое условіе христ. жизни, исключаетъ возможность опредѣленнаго желанія и потому прошенія.

240. Религіозное чувство есть провидѣніе (оттого религ. люди и называются пророками), такое ясное представленіе того, что должно быть, что это предст. служ. лучш. руков. жизни.

241. Нерелигіозные люди (или мало религіозные) руководятся тѣмъ, что было, преданіемъ, а не тѣмъ, что должно быть, и религіозныхъ считаютъ безбожниками.

242. Грѣхъ денегъ... въ произвольномъ употребленіи ихъ, въ пользованіи той властью, какую онѣ даютъ, не грѣхъ употреблять на нужду свою и ближнихъ, грѣхъ—на роскошь и т. п.

243. Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь, что будетъ. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. Онъ знаетъ. Только такая дѣятельность и служить свидѣтельствомъ вѣры въ Бога и въ Его законъ. Только тогда и свобода и жизнь.

244. «Человѣкъ бываетъ силенъ только тогда, когда онъ одинъ» (Ибсенъ).

245. Всякая работа даетъ возможность человѣку уйти изъ себя въ работу. Всякая работа есть раб. Божьяго дѣла.

Святое дѣло.

Статья Н. Степаненко.

Жалость и состраданіе—лучшія проявленія качествъ души человѣческой. Но и онѣ имѣютъ свои отрицательныя стороны и не всегда достигаютъ той цѣли, для которой рождаются и которыя лежатъ въ основѣ альтруистическаго чувства и побужденій человѣка.

Недостаточно выразить состраданіе къ горю и несчастью человѣка по тому или иному поводу, надо еще довести его до того положенія, когда оно приметъ реальное значеніе, выльется въ конкретныя формы и достигнетъ той цѣли, для которой оно предназначается, т. е. облегчить тяжесть положенія человѣка, выброшеннаго условіями жизни изъ колеи существованія.

Мягкость и отзывчивость сердца русскаго человѣка общеизвѣстны; русскій человѣкъ не можетъ пройти мимо нищаго, слѣпца, калѣки и вообще обездоленнаго судьбою, чтобы не подать изъ своихъ скудныхъ средствъ «копеечку». Пусть это вызывается эгоистическими побужденіями въ ожиданіи лучшей жизни въ будущемъ, какъ склонны думать нѣкоторые,—не будемъ, однако, заглядывать въ душу человѣка. Но уменьшается-ли отъ этого нищенство, облегчается-ли положеніе нищему? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, не задумываясь:

— Нѣтъ.

И не только не уменьшается,—напротивъ, растетъ и ширится, съ прогрессивной пропорціей увеличивается въ своихъ размѣрахъ.

И не приростомъ населенія объясняется все это,—нѣтъ, объясняется это тѣми условіями, въ которыя втиснуть социальный строй жизни.

Каждый изъ насъ живетъ самъ по себѣ, каждый заботится только о себѣ, догматизируя правило: «моя хата съ краю, я ничего не знаю».

Въ особенности въ городахъ положена въ этомъ отношеніи рѣзкая черта. А, между тѣмъ, такого рода взглядъ не только неправильный взглядъ, но и вредный и опасный съ точки зрѣнія социального благоустройства.

Приходится видѣть и наблюдать, что тамъ, гдѣ существуетъ болѣе или менѣе правильная организація общественной помощи, напр., въ Англии, тамъ и воровство и насиліе въ значительной степени менѣе развито.

Въ Англии законъ караетъ не только тѣхъ, кто проситъ, но и тѣхъ, кто подаетъ.

Тунеядство и попрошайничество въ Западной Европѣ далеко не имѣетъ того остраго характера, какъ у насъ въ Россіи.

Извѣстно, напр., что у насъ имѣются цѣлыя села, въ семеновскомъ уѣздѣ, напр., Нижегородской губ., гдѣ жители пробавляются нищенствомъ, какъ профессиональнымъ промысломъ. Въ Москву со многихъ губерній уходятъ сотнями семей на промыселъ нищета и попрошайничества.

Нельзя все это объяснять темнотой и невѣжествомъ народа, нельзя сваливать вину со здоровой головы на больную,—корень злой причины надо искать глубже. И этотъ корень—все та-же неорганизованность.

Въ настоящее время, когда война породила такъ много калѣкъ, когда нужда и потребности жизни все болѣе увеличиваются—организація общественной помощи настойчиво и властно требуетъ удовлетворенія.

Государство какъ бы ни напрягало средствъ, какія бы мѣры ни проявляло къ обезпеченію положенія людей, потерявшихъ трудоспособность на войнѣ, не можетъ въ достаточной степени безъ участія общества удовлетворить нужды и потребности тѣхъ, которыхъ жестокая, не знающая пощады, война оторвала отъ трудовой жизни, отъ условій ея быта и сдѣлала калѣками.

Наконецъ, всякое увеличеніе платежныхъ силъ не можетъ не отразиться въ той или иной степени на матеріальномъ положеніи плательщиковъ а слѣдовательно, и экономически ослабить ростъ и преуспѣяніе ихъ.

Платежныя средства—это та же волна: перекачивается она отъ одного плательщика черезъ плечи и голову другого; изъ одного выкатывается, другого снабжаетъ, чтобы впоследствии, при удобномъ, а часто и при не удобномъ случаѣ выжать сокъ изъ того, у котораго онъ накопился, благодаря усиліямъ воли и стараній.

Нельзя жить всецѣло ни на счетъ государства, ни на счетъ средствъ общественныхъ организацій. Не всякій также можетъ и пользоваться помощью, откуда бы она ни исходила, безъ натяжки, безъ того нравственнаго воздѣйствія, которое

такъ больно отражается на импульсахъ человѣческой души и которое принято называть совѣстью.

А то, что бездѣйствіе само по себѣ не только тягостно, но и зачастую порождаетъ бурныя наклонности, противъ которыхъ вести борьбу трудно и не всякій можетъ,—это также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Вотъ на этой почвѣ въ Лионѣ, среди мѣстнаго общества, и зародилась мысль, которую нельзя не привѣтствовать—организовать «профессиональную школу раненыхъ», гдѣ всякій, не лишенный трудоспособности, могъ-бы примѣнить свой досугъ и трудъ для того или иного дѣла.

Инициатива этого въ высшей степени полезнаго и симпатичнаго начинанія, цѣль котораго возвратить раненаго солдата къ полной и нормальной жизни, принадлежитъ мэру г. Лиона. Инициаторъ такъ говоритъ:

— Невозможно, чтобы искалѣченный современной войной двадцатилѣтній солдатъ былъ обреченъ на всю жизнь на бездѣятельность.

Въ настоящее время починъ мэра г. Лиона нашель для себя сочувственный откликъ общества, и въ разныхъ мѣстахъ Франціи начинается уже организовываться цѣлый рядъ такихъ школъ.

Доброе сѣмя упало на добрую почву; нашло хорошее начинаніе сочувствіе и у насъ. И уже сдѣланы пожертвованія, чтобы образовать средства на устройство такого рода школъ.

Для интеллигентныхъ круговъ русскаго общества идея обученія ремесламъ раненыхъ солдатъ является совершенно новой, требующей разработки и вниманія.

Но въ то время, когда интеллигентные работники задумываются надъ тѣмъ, какъ осуществить и провести въ жизнь зародившуюся идею, крестьянскія общества, для которыхъ идея эта по своей структурѣ ближе лежитъ къ сердцу,—уже начали осуществлять ее. Къ такимъ крестьянскимъ обществамъ принадлежитъ мытищенское общество Московской губерніи.

Мысль объ устройствѣ крестьянскаго трудового дома-убѣжища для увѣчныхъ воиновъ возникла на мытищенскомъ волостномъ сходѣ еще въ январѣ настоящаго года и была высказана крестьяниномъ с. Пушкина И. В. Сорокинымъ.

Сущность мысли вытекаетъ изъ того положенія, что полученное на войнѣ увѣчье лишило многихъ возможности обратиться къ прежнему земледѣльческому труду и такіе люди явятся въ тягость какъ для членовъ семьи, такъ и самихъ себя; между тѣмъ, потребность къ труду у такихъ людей не можетъ остыть, и чтобы освободиться отъ развѣдающей скуки,—спасеніемъ къ этому и является школа или трудовой домъ-убѣжище для увѣчныхъ воиновъ, гдѣ, обучившись тому или иному ремеслу, доступному при опредѣленномъ искалѣченіи, всякій могъ-бы заниматься этимъ ремесломъ, и такимъ образомъ съ двойкой пользой употребить досужее время—материальной и нравственной.

Мысль эта встрѣтила живое и полное сочувствіе среди крестьянъ и успѣла уже распространиться и въ другихъ волостяхъ Московскаго уѣзда, что и выразилось ассигновками на устройство такихъ домовъ.

И нигдѣ не было ни малѣйшихъ возраженій, либо сомнѣній насчетъ цѣлесообразности и близкаго осуществленія созрѣвающей идеи.

Рассказываютъ, что при поднятіи вопроса на сходахъ среди крестьянъ воцарилась тишина и у многихъ были на глазахъ слезы.

— Хорошее, святое дѣло!—такъ говорили крестьяне.

Кооперативныя общества также сочувственно отозвались. Такъ, Спасьстунское общество потребителей фабричныхъ рабочихъ ассигновало 300 руб., 4 кредитныхъ товарищества постановили ассигновать по 100 руб., 9—по 50 руб.

Насколько крестьяне сочувственно относятся къ устройству трудовыхъ убѣжищъ, можетъ служить хотя-бы то, что среди членовъ нѣкоторыхъ товариществъ обсуждались даже основы организацій такихъ убѣжищъ, вырабатывались планы устройства ихъ.

Въ составъ общества могутъ входить волостныя и сельскія общества, различныя учрежденія, товарищества, артели, всякаго рода попечительства и частныя лица. Средствами общества намѣчены членскіе взносы, пособія отъ казны и земства, пожертвованія, доходы отъ мастерскихъ при трудовыхъ домахъ, отъ лекцій, концертовъ и т. п.

Идея созрѣла и окрѣпла,—необходима форма, въ которую можетъ вылиться уставъ. Но за этимъ дѣломъ, конечно, не станеть, разъ такое дружное и единодушное рѣшеніе у крестьянъ.

Дѣло—святое; сами крестьяне называютъ его такимъ, и нельзя не пожелать, чтобы и другія крестьянскія общества примкнули, и святое дѣло раскинулось-бы густою сѣтью по всей широкой Руси.

Н. Степаненко.

Роковая черта.

Очеркъ Вл. Новоселова.

Эта черта—не пограничный рубежъ, отдѣляющій государство отъ государства, но рубежъ, отдѣляющій право отъ полного безправья въ одномъ и томъ же государствѣ. Остатокъ темнаго средневѣковья, она до сихъ поръ, подобно крѣпкой стѣнѣ, раздѣляетъ искусственно русскій народъ отъ еврейскаго. Это своего рода плотина, преграждающая теченіе великой рѣки народной жизни. Она была знакома всѣмъ европейскимъ государствамъ, но до сихъ поръ она уцѣлѣла въ одной только Россіи. Наша русская жизнь всегда была полна странностями и недоумѣнными вопросами. О «странностяхъ» печать долго вынужденно молчала, но надъ недоумѣнными вопросами упорно работали канцелярскіе мозги. Эти самые вопросы дали возможность развернуться канцелярскимъ перьямъ, создали многимъ положеніе: изъ столоначальниковъ въ министры. Съ каждымъ днемъ прибавлялось все больше этихъ самыхъ «вопросовъ». Столоначальники все больше выставляли кандидатуру въ министры, но какъ-то выходило странно: прекрасный столоначальникъ оказывался пресквернымъ министромъ. Въ концѣ концовъ столоначальники начали управлять Россіей, а министры лишь возбуждать новые недоумѣнные вопросы. Стало сорокъ тысячъ столоначальниковъ, а количество «вопросовъ» достигло количества народностей, населяющихъ Россію. Что ни народность—то и вопросъ: какъ съ ней поступить, чтобы она не была народностью?

Мудрѣйшая изъ всѣхъ столоначальниковъ и министровъ, «сама свой министр», Елизавета Петровна рѣшила весьма просто еврейскій вопросъ. Дщерь Петра не любила трудить голову пустыми вопросами, написала—евреямъ въ Россіи не быть—и стало написанное закономъ. Но самодержица Екатерина II уже столкнулась лицомъ къ лицу съ написаннымъ Елизаветой закономъ. Евреи изъ Россіи были изгнаны, ибо гнать пришлось отдѣльныхъ личностей,—не русскихъ подданныхъ, а чужеземцевъ. Хотя это и противорѣчило въ корнѣ широкому гостепримству Елизаветы Петровны, но исключенія для того и созданы, чтобы подтверждать правило.

Евреевъ русскихъ подданныхъ при Елизаветѣ не было, а при Екатеринѣ ихъ оказалось уже сотни тысячъ. Раздѣлъ Польши привелъ подъ русскію державу новыхъ подданныхъ—евреевъ.

Какъ быть съ ними?

Екатерининскія завоеванія вводили въ составъ Россійской Имперіи новыя народности. Какъ быть съ ними? Снова загрохотала канцелярская фабрика безъ передышки. Родились одинъ за другимъ: еврейскій, польскій, литовскій, латышскій, армянскій и прочіе вопросы, ибо евреи желали оставаться евреями, поляки—поляками, латыши—латышами, желали хранить свое національное лицо, свои традиции, вѣрованія, свой языкъ, нравъ и обычаи. Не существовало лишь одного вопроса—вопроса русскаго, ибо о русскомъ народѣ вспоминали лишь въ высокоторжественные случаи, когда цѣлыми тысячами душъ закрѣпленные къ землѣ крестьяне переходили изъ государственной казны въ руки фаворитовъ, прожектеровъ и баблвней счастья. Если такая «политика» была допустима по отношенію къ «великодержавному народу», то таковой же она была и по отношенію къ другимъ «инородцамъ»; германцы гордятся тѣмъ, что они царственная нація, ибо обладаютъ способностью *подчинять* себѣ народы, уничтожая ихъ національное лицо. Германія давно взяла патентъ на монополію такой культуры. Русскій народъ ни на какую монополію не претендовалъ, онъ все еще бѣденъ «культурой», но говорить о «первобытнотѣ» состояніи этого народа, создавшаго великую литературу, показавшаго свое лицо въ своей наукѣ, въ своемъ искусствѣ, въ своемъ умѣнн жить по своему, запросами своего духа,—говорить не приходится. «Первобытный дикарь» въ далекія времена сложилъ Русь, сломилъ татарское иго, но онъ не создалъ «татарскаго вопроса», ибо никогда надъ *побѣжденными*, слабыми народами онъ не мѣрилъ свою силу, не измывался надъ ними. Всю мѣру нѣмецкаго засилья русскій народъ пла иль при Биронѣ Курляндскомъ и Петрѣ III Голштинскомъ. Екатерина II изъ Пруссіи выписаннымъ выходцамъ предложила лучшія земли на берегахъ Волги и въ степяхъ Новороссіи. Нѣмцы должны были показывать примѣръ русскому крестьянину. Свободные—крѣпостному, освобожденные отъ всѣхъ налоговъ и податей—переобремененному ими, искали счастья—потерявшему всякую вѣру въ существованіе такого счастья на землѣ.

Но русскій народъ не создалъ «нѣмецкаго вопроса». Подобные «вопросы»

рожденные националистической враждой, ему всегда были органически чужды, чуждо ему и стремление «согнуть въ русскую дугу» инородца. Въ русской поэзии и въ литературѣ, на которыхъ почилъ духъ русскаго народа, въ которыхъ отражены его чаянія и вѣра, не найдете ни одного подобнаго мотива. Напротивъ, найдете одно непреклонное убѣжденіе, что всѣмъ людямъ подъ русскимъ солнцемъ мѣста хватить, что всѣ люди, хоть и молятся го разному, а чтутъ одного Бога, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

Пресловутая черта осѣдлости есть не продуктъ творчества державнаго народа, а продуктъ потугъ его опекуновъ, опекавшихъ Россію въ ея почти тысячелѣтнемъ младенчествѣ. Эта «черта»—одна ихъ характернѣйшихъ чертъ всей нашей прошлой внутренней политики.

На пространствѣ, ограниченномъ закономъ, должна родиться, жить и умирать еврейская бѣднота, въ полномъ смыслѣ слова борясь за существованіе. Но и въ этой чертѣ заключается еще другая черта, другое ограниченіе: прикованная путами къ городамъ и мѣстечкамъ, еврейская масса лишена возможности селиться внѣ ихъ. Царство Польское и девять русскихъ губерній замыкаютъ ея кругъ, за который смѣютъ переступить только избранные, вся же масса еврейскаго народа обречена на прозябаніе внутри этого круга,—не мистическаго, а реального дантова «ада».

Массѣ заказаны пути отсюда, и ко всѣмъ отрицаніямъ гражданскихъ свободъ прибавлено еще одно: полное отрицаніе свободы передвиженія внѣ района осѣдлости. Еврей, «вышедшій въ люди» и записавшійся въ купцы первой гильдіи, можетъ купить право выхода изъ роковой черты. Но это право только немногихъ, достигшихъ изобилія земныхъ благъ и благополучій. Дипломъ высшаго учебнаго заведенія даетъ выходъ еврею изъ роковой черты, но онъ обставленъ такими условіями, что право еврейства на образованіе есть въ то же самое время отрицаніе даже этого элементарнаго права каждаго человѣка. Процентная норма при приѣмѣ въ среднія и высшія учебныя заведенія, замѣненная Кассо жеребьевкой, является своего рода лотереей, гдѣ люди пытаются счастье, и глупый клочекъ бумаги со счастливымъ или несчастливымъ номеромъ рѣшаетъ человѣческую судьбу, чисто гамлетовскій вопросъ: «быть или не быть?».

Война съ новой остротой вновь выдвинула наболѣвшій еврейскій вопросъ. Она разрушила вѣковыя плотины и перегородки и грознымъ вѣлніемъ отбросила еврейскую массу за роковую черту. Еврей—русскіе подданные, лишены основныхъ гражданскихъ правъ, вынуждены силой обстоятельствъ покинуть родныя пепелища, и изъ разоренныхъ мѣстъ Царства Польскаго хлынулъ цѣлый потокъ безпріютныхъ бѣженцевъ, ищущихъ крова въ недо-зволненныхъ для ихъ жительства мѣстахъ Россіи.

Война опрокидываетъ законы мирнаго времени, диктуетъ свой законъ желѣзной неизбѣжности. Естественно, что еврейской массѣ, испытывавшей на себѣ вражескій напоръ,—для массы, считающей своей родиной Россію, имѣющей въ рядахъ русской арміи около полумилліона своихъ отцовъ, сыновей и братьевъ, рано или поздно вѣлніемъ всесильной судьбы должны были раздвинуться тѣсныя рамки прежнихъ стѣсненій, ограниченій и узаконеннаго произвола. Роковая черта еврейской осѣдлости должна была разступиться и съ нею рухнуть искусственныя плотины. И онѣ рухнули въ грозный часъ, но подъ обломками ихъ все еще живетъ тотъ же духъ отчужденія и непріязни къ еврейству, который искусственно созидалъ эти плотины, даже свобода передвиженія еврейской массы до сихъ поръ все еще не стала закономъ. Она закрѣплена не общимъ законодательнымъ порядкомъ, но временно допущена особымъ министерскимъ циркуляромъ, признающимъ право жительства евреевъ, за исключеніемъ столицъ и нѣкоторыхъ мѣстностей. Тѣми же циркулярами уничтожена процентная норма при приѣмѣ въ высшія и среднія учебныя заведенія, но уничтожена въ отношеніи лишь тѣхъ лицъ, отцы и братья которыхъ находятся въ рядахъ дѣйствующей арміи.

Брешь въ вѣковой стѣнѣ пробита, но все еще не насталъ тотъ часъ, когда «еврейскій вопросъ», наконецъ, потеряетъ свою жгучую остроту и болѣзненность, когда въ Россіи «не будетъ ни элиина, ни іудея», а только одни полноправные граждане.

Вл. Новоселовъ.

Оглавление журнала „ПРОБУЖДЕНИЕ“ за 1915 годъ.

Разказы и повѣсти.

	Стр.		Стр.
Анна Павловна.—А. Н. Будицева	631	Миниатюры.—Арк. Селиванова	497
Благодатная ложь.—Кармень	166	Мойра.—Ал. Богданова	387
Борька.—Сергѣя Гарина	321	На высотѣ.—А. Серафимовича	3
Вселенская.—С. И. Гусева-Оренбургскаго	787	Находка.—В. Муйжеля	622, 654
Встрѣчи.—А. Н. Будицева	400, 421	Не на войнѣ, а дома.—В. А. Рышкова	51
Въ знойный день.—Кармень	405	Несчастные.—В. Ленскаго	467, 485
Выстрѣль.—Г. А. Яблочкова	519	Ночные звоны.—Арк. Селиванова	363
Гадь.—А. И. Куприна	719	Обыкновенная исторія.—М. К. Первухина	767
Глаза смерти.—Вл. К. Измайлова	433	Папаша.—Сергѣя Гарина	228
Да будетъ воля Твоя.—О. Д. Орликъ	263	Парижъ.—Анат. Каменскаго	32
Двѣнадцать старыхъ дѣвъ.—А. А. Кипена	533	Перуново урочище.—А. Осендовскаго	754, 798
Деликатность.—Д. Айзмана	283	Письмо къ взянной дамѣ.—Петра Пильскаго	739
Денщикъ Трифонъ.—Сергѣя Гарина	700	Психея и Прозерпина.—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	24
Деревенскій батюшка.—С. И. Гусева-Оренбургскаго	587	Подобна солнцу.—К. С. Баранцевича	217
Добрая бабушка.—В. В. Брусанина	270	По ошибкѣ.—И. Н. Потапенко	453
«Досадили!».—Арк. Селиванова	94	Плачуть	152
Душашу просватали.—П. Сергѣенко	353	Плѣнный.—С. И. Гусева-Оренбургскаго	18
Емельянь.—Сергѣя Гарина	576	Прислуга.—А. Волохова (Первухина)	735
Желтыя строки.—Ф. Червинскаго	464	Просьба.—С. И. Гусева-Оренбургскаго	372
Жертвы войны.—Его же	34	Родня.—И. Н. Потапенко	10
Жрица свободной любви.—Стеллы Кармень	611	Ручей Манчжурія.—В. В. Брусанина	45
Заключія.—Сергѣя Гарина	713	Сердце.—К. и О. Ковальскихъ	564
Затменіе.—Евг. Н. Чирикова	251	Симочка.—А. И. Свирицаго	196
Земляки.—С. Гусева-Оренбургскаго	291	Скверный сонъ.—Н. Ф. Олигера	332
Золотые сны.—А. И. Свирицаго	120	«Старый гусарь».—Сергѣя Гарина	115
Иванъ Ивановичъ.—Н. А. Карпова	161	Таинственная исторія.—Б. Лазаревскаго	99
Игрокъ.—Сергѣя Гарина	205	Танникъ.—Вл. Ленскаго	80
Инженеръ.—С. И. Гусева-Оренбургскаго	543	Тихая скорбь.—Г. Домбровскаго	303
Ищутъ квартиру.—М. К. Первухина	677	Тоильщикъ.—С. И. Гусева-Оренбургскаго	643
Какъ въ сказкѣ.—А. Туркина	232	Тулуза.—И. Н. Потапенко	688
Комета Галлея.—И. Назимина	344	Удача.—К. С. Баранцевича	501
Красный холмъ.—Ал. Богданова	729	Фея изъ города.—Л. Григорова	665
Лазурная кровь.—Его же	53	Хазь-Булатъ.—А. А. Измайлова	553
Лунный свѣтъ.—А. Серафимовича	187	Чехлы.—К. Милля (Полярнаго)	601
Мертвые люди.—Кармень	127	Шутка лейтенанта Гейера.—В. Свенцицаго	763
Милое лицо.—Петра Пильскаго	708		

Стихотворенія.

	Стр.		Стр.
Барабанщикъ.—И. Мукосьева	621	Громъ.—А. Рославлева	150
Богъ.—Ф. Чернова	419	Донъ-Кихотъ.—Л. И. Андрусонъ	269
Божій миръ.—С. Д. Дрожжсина	262	Женщина.—Ю. Зубовскаго	797
Былое.—Дм. Цензора	119	Женщинамъ.—И. Мукосьева	484
Бѣдные мы	451	Женщины въ черномъ.—А. Доброзотова	302
Бѣлая ночь.—Г. Казарова	751	Забить, уйти	352
Васильки.—А. Рославлева	17	Завѣщаніе.—А. К. Шеллера-Михайлова	17
Васильки.—Г. Дешикина	362	Загрустила семья	195
Весной.—Дм. Цензора	317	Заря.—И. Мукосьева	718
Видѣніе.—Ю. Зубовскаго	98	За тихимъ фюрдомъ.—Ю. Коса	541
Возвращеніе.—Ал. Богданова	518	Зима.—П. Гаврилова-Лебедева	1
Воспоминанія.—Николая Корецкаго	319	Зной.—А. Рославлева	351
Въ изгнаніи.—Л. Сохачевской	664	Каждую секунду	642
Въ зимнемъ уборѣ.—П. В. Быкова	686	Какъ скучно	151
Въ лѣсу.—Ф. Чернова	619	Камню.—А. Мейснера	609
Въ лѣтнюю ночь.—З. Бухаровой	630	Кольбельная.—Г. Казарова	247
Въ пути.—Е. Бахарева	77	Любовь. З. Бухаровой	600
Въ пути.—И. Бранскаго	563	Милосердіе.—П. Попова	420
Въ разоренномъ селеніи.—Валеріана Ф.	250	Молитва Св. Георгію.—Н. Якубовича	160
Въ Рождественскую ночь.—Изгнанника	786	Монологъ.—С. Д. Дрожжсина	613
Выходъ эскадры.—Сергѣя Гарина	608	На закатѣ.—Ф. Чернова	707
Вѣнокъ.—А. Палъя	734	На зарѣ.—Е. Яновскаго	499
Гвоздика.—А. Ширяева	511	На мотивъ П. Верлэна.—Изгнанника	151

	Стр. □		Стр.
На новый годъ.—П. Гаврилова-Лебедева	9	Сказка.—Ю. Коса	331
На полѣ брани.—Н. Якубовича	792	Словно воръ подкрался...—Н. Аркадиной	517
На рубенѣ.—П. Быкова	79	Слѣпой.—А. Балагина	249
На склонахъ дождя.—Я. Година	204	Сольвейгъ.—З. Бугаровой	540
Наши встрѣчи.—Дм. Цензора	43	Снѣгъ кругомъ.—П. Гаврилова-Лебедева	282
Невозможно мнѣ жить...—А. Липецкаго	653	Сонетъ.—Ю. Коса	586
Не вѣрьте тишинѣ.—А. Бьоловленко	290	Стихотвореніе.—С. Д. Дрожжисина	113
Не грусти.—И. Мукосъева	281	Сумерки.—А. Лопатина	186
Никогда.—В. Дембовскаго	371	Сумерки.—Ю. Зубовскаго	51
Новый годъ.—Ю. Зубовскаго	9	Счастье.—Я. Година	35
Одуванчики.—И. Мукосъева	216	Тайна лѣса.—В. Уманова-Каплуновскаго	375
Ожиданіе.—Я. Тисленко	165	Тебѣ.—Т. Л. Шепкиной-Куперникъ	430
Осень.—Ю. Зубовскаго	463	Тишина.—В. Катаева	717
Открыты окна.—Н. Крюкова	413	Ты умерла.—Дм. Цензора	398
Офелія.—Л. И. Андрусона	532	Ты, юноша, любишь...—Ю. Зубовскаго	114
Памяти Августѣйшаго Поэта.—А. Гуциной-Самойловичъ	443	У безвѣстной могилы.—В. Уманова-Каплуновскаго	762
Передъ боемъ.—Л. И. Андрусона	44	У меня.—Евг. Яновскаго	320
Передъ зарей.—А. Санковскаго	728	Уютный старый домъ.—Валеріана Ф.	227
Планеты-сестры.—Арк. Селиванова	753	Христосъ.—И. Гриневской	250
Пропла моя весна.—А. Домасудъ-Бромирской	585	Цвѣты на окнахъ.—В. Катаева	717
Прощаніе.—Г. Ланцева	231	Что красота?—И. Гриневской	185
Птица.—М. Шубинской	431	Шопотъ лѣса.—О. Маръ	687
Пѣсня рыбака.—Н. А. Карпова	399	Элегія.—Я. Година	69
Разлука.—И. Мукосъева	343	Южное.—Ю. Коса	412
Разсѣять.—Н. Колоколова	452	Юной.—Н. Якубовича	483
Сентябрь.—А. Лопатина	551 □	Ярко, ярко свѣтитъ солнце.—Г. Галиной	23
		Я скванъ съ тобой.—Л. И. Андрусона	150

Статьи и очерки.

	Стр. □		Стр.
Апологеты и антагонисты войны.—Н. Степаненко	110	Мобилизація общественныхъ силъ.—В. Брусянина	444
Безсмертный пѣвецъ Италіи.—П. Ельнина	782	Молодые порывы.—Н. Степаненко	416
Великая жизнь.—Ник. Носкова	275	Московскія настроенія.—Ник. Носкова	614
Великая культурная задача.—Н. Степаненко	346	Наполеонъ великій и Наполеоны малые.—Н. Дмитриева	144
Власть и Государственная Дума.—В. Брусянина	546	Наши социалисты и война.—В. Брусянина	714
Война и дѣти.—Его-же	446	Новогоднія упованія.—В. Новоселова	38
Война и женщины.—Его-же	312	Новое въ старомъ.—Его-же	780
Война и наши курорты.—Н. Степаненко	480	«Нѣмецъ».—Его-же	548
Война и печаль.—В. Новоселова	580	Обновившаяся деревня.—В. Брусянина	108
Въ тѣни.—П. Ельнина	177	Объединенная промышленность.—П. Ельнина	582
Въ эти дни.—Ник. Носкова	514	Отецъ русскаго жанра.—Его-же	477
Выступленіе Италіи.—В. Новоселова	379	Отзывчивость русскаго деревни.—Н. Степаненко	279
Гибель Наполеона.—П. Ельнина	314	Памяти Д. И. Писарева.—Ник. Носкова	40
Глѣбъ Успенскій.—Ник. Носкова	70	Перемышль.—В. Новоселова	242
Голосъ страны.—В. Новоселова	712	П. И. Чайковскій и А. Н. Апухтинъ.—Ник. Носкова	240
Графъ Витте.—Н. Дмитриева	244	Позиція Болгаріи.—Его-же	682
Два антипода.—В. Новоселова	139	По образцу Пруссіи.—П. Ельнина	680
26 іюль—27 января.—Его-же	142	Прудонъ.—Н. Дмитриева	72
Два юбилея.—Его-же	448	Рокочная черта.—В. Новоселова	810
Двѣ программы.—Его-же	616	Россія и Польша.—Н. Дмитриева	175
Десять лѣтъ назадъ.—Его-же	210	Свѣтлый образъ.—Ник. Носкова	377
Додэ и Золя.—Н. Дмитриева	105	Святое дѣло.—Н. Степаненко	808
Дороговизна.—В. Новоселова	310	Совпаденіе.—Н. Дмитриева	212
Другъ обездоленныхъ.—Н. Дмитриева	307	Судъ потомства.—Ник. Носкова	348
Дума дѣйствуетъ.—В. Новоселова	512	Теорія и жизнь.—А. Вера	773
Духовный голодъ.—Н. Степаненко	74	Три миллиарда.—В. Новоселова	180
Духъ времени.—Его-же	748	У вратъ двухъ царствъ.—Н. Дмитриева	277
Живая идея.—Н. Степаненко	146	Цвѣты русскіихъ полей.—Его-же	648
Забытая и новая слова.—Ник. Носкова	182	Черная стая.—В. Новоселова	646
Изъ передуманнаго Л. Н. Толстымъ и Н. С. Лъсковымъ. Посмертная рукопись. Доставлена П. Сергѣенко	742, 775, 805 □	Чумаэый.—Н. Степаненко	381
		Яма.—Ник. Носкова	414

Ноты.

	Стр.
Мазурка.—Музыка Г. Лемара	173
Подъ шопотъ грезъ. Вальсъ.—Муз. Ѳ. Дубинина	36

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ двадцать четвертый.

	Стр.
Въ Рождественскую ночь. Стихотвореніе Изгнанника	786
Вселенская Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго	787
На полѣ брани. Стихотвореніе Н. Якубовича	792
Заклятія. Разсказъ Сергѣя Гарина	793
Женщина. Стихотвореніе Юрія Зубовскаго	797
Перуново урочище Разсказъ А. Оссендовскаго	798
Изъ передуманнаго Л. Н. Толстымъ и Н. С. Лѣсковымъ. Посмертная рукопись, доставлен- ная П. Сергѣенко	805
Святое дѣло. Статья Н. Степаненко	808
Роковая черта. Очеркъ Вл. Новоселова	810
Оглавленіе журнала «Пробужденіе» за 1915 годъ	812

КАРТИНЫ: 1) Сборъ сиренъ. Картина въ краскахъ Милошо. 2) Озеро въ Тиролѣ. Автотипія съ картины В. Гауфе. 3) Смерть героя. Автотипія съ картины Гёпнера.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

М. И. Михайловъ. Сочиненія, томъ 3-й (книги 9, 10, 11 и 12-я) въ изящномъ переплетѣ изъ англійскаго коленкора, съ золотымъ тисненіемъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ Г. Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Небывалая грандіозная подписка на 1916 годъ,

уже выразившаяся, въ короткій періодъ со дня появленія первыхъ объявленій, въ десяткахъ тысячъ **новыхъ лицъ**, желающихъ получать журналъ «Пробужденіе» въ 1916 году, заставляетъ редакцію напомнить о скорѣйшей подачѣ заявленій, такъ какъ въ противномъ случаѣ, нежелательномъ для редакціи по отношенію къ прежнимъ подписчикамъ, несвоевременная подписка вызоветъ со стороны послѣднихъ **слишкомъ позднее полученіе первыхъ выпусковъ журнала и премій**, такъ какъ воспроизведеніе вторымъ изданіемъ, по техническимъ условіямъ печати въ краскахъ, требуетъ весьма продолжительнаго времени.

При этомъ контора журнала «Пробужденіе» считаетъ долгомъ предупредить заблаговременно, что подписка на 1916 годъ будетъ приниматься **ТОЛЬКО ДО ВОЗМОЖНЫХЪ ПРЕДѢЛОВЪ**, потому что неопредѣлившееся до извѣстнаго времени количество подписчиковъ можетъ вызвать въ переживаемое военное время недостатокъ въ бумагахъ и другихъ матеріалахъ на фабрикахъ и недостатокъ рабочихъ рукъ въ арендованныхъ художественныхъ типографіяхъ. Вслѣдствіе этого, редакція, не преслѣдуя матеріальныхъ цѣлей, могущихъ подорвать аккуратное выполненіе принятыхъ ею на себя обязанностей, будетъ вынуждена поздня слишкомъ заявленія **отклонить** возвращеніемъ обратно денегъ **за счетъ Г. г. подписчиковъ**.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

1916 г.

ЧУДНЫЙ, ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ!

Открыта подписка на 1916 г. на единственный въ Россіи
Роскошный художественный журналъ для дѣтей
ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
СО СЪ ВЕЛИКОЛѢПНЫМИ КАРТИНАМИ ВЪ КРАСКАХЪ

ЖАВОРОНОКЪ

съ приложеніемъ **60-ти книжекъ**, необходимыхъ для дѣтей.
участвуютъ выдающіеся русскіе писатели.
IV-я ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

Дѣтскія книжки, игры, развлечения, занятія,
картины для раскрашиванія, ноты, вырѣзные
модели для склеиванія игрушекъ, научныхъ по-
собій, украшеній для елки и друг.

Подписавшіеся на 1916 г. получать, ежемѣсячно 1-го числа:

12 роскошно иллюстрир.
выпусковъ Литератур-
наго и Научнаго журнала
для дѣтей, въ изящныхъ
обложкахъ съ картинами
въ краскахъ.

12 подарковъ дѣтямъ:
картины, модели для вы-
рѣзыванія и склеиванія,
рисунки для раскраши-
ванія, ноты и др.

60 книжекъ энциклопедическаго словаря

60 **ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ МІРА** **600**
въ портретахъ и характеристикахъ

книжекъ **ШЕСТЬСОТЪ ПОРТРЕТОВЪ** портретовъ
и краткихъ очерковъ для ознакомленія дѣтей:

Поэтовъ, Художниковъ, Скульпторовъ, Ученыхъ,
Писателей, Композиторовъ, Полководцевъ, Артистовъ,
Мыслителей, Изобрѣтателей, Путешественниковъ,
а также выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

100 художественныхъ картинъ для дѣтей **100**
Извѣстныхъ Европейскихъ художниковъ,
въ шести выпускахъ, альбомами, отпечатанныхъ
разнаго цвѣта красками.

Подписная цѣна: На годъ 6 руб.; на полгода 3 р.; на 4 мѣс. 2 руб.

Пробный № высылается за 40 коп. марками.

Изданіе редакціи журнала „Жаворонокъ“.

ПЕТРОГРАДЪ, Редакція журнала „Жаворонокъ“, Суворовскій,
просп., собств. д. Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

226121/381

М
54-35

1916 г.

11-ый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на двухнедѣльный, единственный въ Россіи
Художественно-Литературный и научный журналъ
съ роскошными картинами въ краскахъ,
орнаментами, тисненіемъ и стильными украшеніями

ПРОБУЖДЕНІЕ

□ □ □ При каждомъ № приложенія книгъ. □ □ □
Ежемесячно цѣнныя художественныя преміи.
= Громадная галлерея картинъ въ краскахъ. =
ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1916 ГОДЪ ПОЛУЧАТЬ:

24 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА
по образцу рѣдкихъ въ
Европѣ многокрасочныхъ
художественныхъ изданій.

50 КАРТИНЪ: въ краскахъ,
автотипіи, фототипіи,
« олеографіи и др. »

24 КНИГИ: романы извѣстн. русскихъ писателей **24**

12 роскошныхъ декоративныхъ премій:

ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
Альбомъ Картинъ-Пано
въ краскахъ, въ великолѣпной папкѣ.

ИЗЯЩНЫЙ БЛОКЪ-НОТЪ
для кабинета, крытый атласомъ,
съ барельефомъ Гр. Л. Н. Толстого

КРАСИВЫЙ БОЛЬШОЙ БЮВАРЪ
— для письменнаго стола —
съ орнаментами на изящныхъ крышкахъ.

Альбомъ для гостиной,
для стихотвореній и автографовъ
знакомыхъ, съ многокрасочными
украшеніями, въ неподражаемой
по красотѣ папкѣ.

для портретовъ фотографій
роскошный семейный альбомъ, укра-
шенный рельефными гирляндами гли-
циній, акаціи, на лакированномъ подъ
черное дерево переплетѣ.

ЧЕТЫРЕ СТѢННЫХЪ КАРТИНЫ
въ золотыхъ багетныхъ ра-
махъ изъ папье-маше. Первая мо-
дели превосходнѣйшей имитациі ба-
гетныхъ рамъ.

2 ДВА БОЛЬШИХЪ ЛѢСНЫХЪ ПЕЙЗАЖА, **2**
чарующихъ дивной гармоніей красотъ.

1. Утро въ лѣсу. 2. Лѣсныя сумерки.

Популярн. художника А. КЛУФМАНА. Размѣръ картинъ 73x31 сантим.

НЕБЫВАЛАЯ ВЪ РОССІИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:

РОСКОШНАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА НА ХОЛСТѢ,
воспроизведенная масляными красками, полная поэзія.

Первыя Гроздья Сирени.

Извѣстн. худо-н. ГАРТВИГА. ◁ ▷ Размѣръ картины 52x35 сантим.

Работы поставщ. Дв. Его Императорскаго Велич. Р. Голике и А. Вильборгъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ **10** руб.; на полгода **5** руб.;
Разсрочка платежна: При подпискѣ **3** руб., въ мартѣ **2** руб.,
въ іюнѣ **3** руб., въ сентябрѣ **2** руб.

Пробный № высылается за 40 коп. почт. марками.
Редакція журнала „Пробужденіе“, ПЕТРОГРАДЪ,
Суворовскій пр., собств. домъ, 41.

Редакторъ-Издатель **Н. В. КОРЕЦКІЙ.**

Продолжается подписка на журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ на 2-е
полугодіе 1915 года.

Подписная цѣна **5** руб., на 3 мѣсяца **2 р. 50 к.**

Комплекты журнала „Пробужденіе“ за 1-е полугодіе всѣ разошлись по подпискѣ.